

Б И Б Л И О Т Е К А

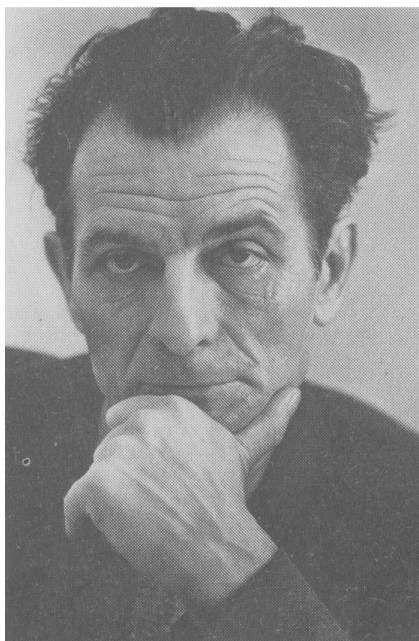
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 40

1989

Георгий РОЖНОВ

**Я НЕ ПРОЩАЮ,
ПОМНЯ О БЫЛОМ**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 40

Издается с января 1925 года

Георгий РОЖНОВ

Я НЕ ПРОЩАЮ,
ПОМНЯ О БЫЛОМ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Георгий РОЖНОВ

Георгий Владимирович Рожнов родился 29 ноября 1935 года в Ленинграде. Пережил блокаду. Окончил редакторский факультет Украинского полиграфического института имени Ивана Федорова. С 1958 года работал в органах внутренних дел — оперуполномоченным, заместителем начальника, начальником отдела журнала МВД СССР «Воспитание и правопорядок». Последние пять лет — заместитель начальника следственного изолятора, затем — исправительно-трудовой колонии по политико-воспитательной работе на Камчатке и в Коми АССР. С 1988 года — специальный корреспондент журнала «Огонек».

Член Союза журналистов СССР, подполковник внутренней службы в отставке. Лауреат премии журнала «Огонек» за 1988 год.

КОГДА РАЗОМКНЕМ КРУГ?

Перестройка в исправительно-трудовых учреждениях, объявленная более двух лет назад, буксует, не движется. Похоже, мы имеем дело с разновидностью фальстарта — сигнал дан, а бегуны на месте.

Обстановка в одних ИТУ далека от совершенства, в других — хуже некуда. Раньше об этом знали лишь в компетентных органах, теперь — все. Год назад начал собирать вырезки из газет и журналов, где впервые — за столько лет! — стали писать об ИТУ, а потом забросил: уйма очерков, репортажей, статей, писем. При всем различии взглядов, позиций много схожего: огульность упреков в адрес администрации, умиление или ругань всех без разбора осужденных, наивность рекомендаций и при всем этом новаторстве — лексика времен ГУЛАГа: «сегодняшние наши заключенные», «обстановка в лагерях и тюрьмах»... Но эта скороговорка, эти гнев и жалость, эта словесная путаница от незнания мне понятны — наболело!

И кто бы ни писал — правоведы, журналисты, осужденные или родственники, вывод один: до исправления и перевоспитания преступников нам еще, ох, как далеко! Упекли его, бандита, за решетку, а с него как с гуся вода — отсидел свое и снова по проторенной дорожке. Или другое: отнюдь не злодей, а случайно оступившийся подросток угодил в зону, а вышел оттуда законченным уголовником.

И тот, и другой теперь уже одним миром мазаны — рецидивисты.

Наиболее знающие судит об этом в «Литературной газете» неоднократно судимый В. Старовский — письмо его произвело в нашем офицерском корпусе эффект разорвавшейся бомбы, другого сравнения не подберу. Он пишет: «Попав за решетку в первый раз, я услышал: «Ну теперь пойдет и второй, и...» В зоне услышал подобные пожелания уже от знающих жизнь работников администрации. Для них настолько естественно, что «зеки» сидят, потом гуляют, потом опять сидят, что «завязавший» вызывает у них интерес: как ему это удалось?»

Автор сердит, где-то ерничает, в чем-то перебарщивает, но спорить с ним глупо: он прав. Рецидив как дамоклов меч, повисает едва не над каждым, кто хоть раз оказался за колючей проволокой.

Рецидив — вот что сводит на нет все усилия сотрудников исправительно-трудовых учреждений.

Абсолютную его цифру назвать трудно, ее до сих пор заменяют такие величины, как «значительный процент», «немалая доля», «определенное количество». Похоже, что те, кому эту цифру доверено хранить и оберегать от дурного глаза, пользуются простейшим счетом древнейших славян. Если чего-либо было больше, чем пальцев на двух руках, они говорили — много. Если очень много — то тьма.

Так вот — рецидива у нас тьма. Из тех, кто отбыл назначенный судом срок наказания, определенное количество, немалая доля, значительный процент снова рано или поздно совершают преступления и, коли попадутся, снова оказываются в знакомых стенах сначала следственных изоляторов, а затем и исправительно-трудовых колоний. Либо строгого, либо особого вида режима.

Замкнутый круг. Сидел человек за решеткой год, три, пять, а то и все десять лет, испукал, как принято говорить, вину, пожил какое-то время свободным и вновь избрал своим уделом несвободу.

Да, такова сегодня реальность — первое преступление далеко не всегда становится последним. За ним следуют когда с перерывами, а когда и сразу второе, третье, четвертое. В ИТК строгого режима никого из сотрудников не изумит рецидивист с десятью, а то и с пятнадцатью судимостями. Однажды, разоткровенничавшись, один из осужденных куража ради посчитал у меня в кабинете, что общий срок наказания по всем его бесконечным «ходкам» приближается к двумстам годам. И что? А ничего. Поохали, посмеялись и разошлись. Для рецидивиста это уж не трагедия, не драма. Это образ жизни.

А для нас, профессионалов?

Свидетельство нашего непрофессионализма, нашей профнепригодности.

Каждый случай рецидива означает, что первый, второй, третий, десятый воспитатели сработали вхолостую. И не одни только воспитатели: начальники ИТК и ВТК, их заместители по политико-воспитательной работе, по режиму и оперработе, по производству, начальники отрядов и цехов, инженеры по организации труда, оперуполномоченные и контролеры. Все без исключения, ибо в каждом исправительно-трудовом учреждении вы непременно увидите увековеченный на стендах призыв: «Каждый сотрудник — воспитатель!» А раз так, то в случае рецидива у каждого результаты труда равны нулю. Добавьте сюда и товарищей из руководящих управленческих звеньев — отделов и управлений областей и республик вплоть до не так давно созданного Главного (объединенного) управления по исправительным делам МВД СССР. И пусть каждый из них работал, что называется, не за страх, а за совесть, пусть колония успешно выполняла государственный план и не допустила чрезвычайных происшествий, пусть, наконец, безупречным был режим и каждый шаг администрации согласовывался с законом — все усилия, увы, на-

пасны. Мартышкин труд. Или Сизифов. Если кто и отработал свой хлеб, так это солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры конвойной роты — не разбежались преступники, и на том спасибо.

Каждый, подчеркиваю, каждый случай рецидива — брак в работе ИТУ, причем неисправимый. За ворота колоний после отбытия срока наказания, а то и значительно раньше — условно или условно-досрочно зачастую выходят не просто нераскаявшиеся преступники. Если первое преступление можно подчас объяснить нездоровой средой, нравственным нездоровьем или в конце концов помрачением ума, то последующие совершаются всегда с умыслом, всегда более ухищренное, профессиональнее. Именно так, профессиональнее: опустошить, не оставив следов, подряд несколько квартир, выпотрошить десятки беспризорных автомобилей и разорить столько же гаражей или, что страшнее, терроризировать город за городом, поселок за поселком грабежами, насилием, разбоем — такое дилетанту не под силу. Можно уже догадаться, где повышается квалификация злодейства, шлифуется его мастерство — в камерах следственных изоляторов и тюрем, в зонах исправительно-трудовых и воспитательно-трудовых колоний. Обмен опытом, навыками преступной жизни идет без перерывов, все двадцать четыре часа — это не преувеличение. И нет пока конца этой эстафете злодейства — замкнутый круг.

Как же его разомкнуть? Только действительно начав перестройку всей системы ИТУ, только предъявив строгий спрос к самим себе.

В одной из бесед с журналистами тогдашний министр внутренних дел СССР генерал-полковник А. В. Власов сказал об этом вскользь, но достаточно определенно: «Недостатки в работе исправительно-трудовых учреждений преодолеваются медленно, а с ними в значительной мере связана повторная, рецидивная преступность».

Здесь, видимо, полезно знать, какие именно недостатки имеются в виду и почему с их устранением медлят годами. Но прежде чем пойдет речь о наших общих бедах и нашей общей вине за низкие результаты труда, согласимся с тем, что служба в ИТУ — трудная служба. Есть горькая правда в шутиливом вопросе: чем отличается сотрудник колонии от осужденного? Тем, что уходит ночевать домой, да и то далеко не всегда. Праздников, как у всех нормальных людей, не бывает у них никогда — за неделю до них, а то и ранее весь личный состав переходит на усиленный вариант несения службы или, проще говоря, на казарменное положение. Но если бы тяготила только служба от зари до зари! Каждый день, каждый час чьи-то горести, чьи-то беды — от пропавшего в тумбочке сахара до подозрений в измене жены, открытый вызов неповиновением, дерзостью, издевкой, угрозой. Рецидивисты, которых мы же и наплодили, в лучшем случае приспособляются, в худшем — сопротивляются любому, даже разумному и законному требованию. То в одной, то в другой колонии возрождаются, казалось бы, давно забытые воровские традиции, создаются преступные группировки, призывающие

к неповиновению и беспорядкам. И о какой личной безопасности сотрудников можно говорить, если около 18 процентов осужденных страдают от последствий наркомании, алкоголизма, имеют серьезные отклонения в психике?

Когда перед уходом на пенсию проходят военно-врачебную комиссию сотрудники ИТУ, перечень обнаруженных у них болезней бесконечен. Да и задолго до пенсии, уже в первые годы каждодневного общения с отнюдь не лучшими нашими согражданами, бесконечные стрессы уродуют у их воспитателей психику, характер, а то и того хуже — взгляды на жизнь, понятия добра и зла. Если вы встретите начальника колонии или оперуполномоченного с мягкой улыбкой, спокойным взглядом или неторопливой походкой, знайте — немалым напряжением воли эти люди держат себя в узде.

Словом, служба не сахар.

Каковы же ее издержки?

На этот вопрос легко ответят и молодые лейтенанты, и ветераны, ушедшие на покой, — расхождение будет минимальным, да и то больше в формулировках — у каждого времени свои.

Прежде всего администрацию справедливо упрекают в том, что погоня за выполнением производственного плана оставляет в стороне заботу о воспитании правонарушителей. Простейший пример: если, скажем, назначены политзанятия, а тут в вечернее время придут вагоны для погрузки готовой продукции, дискутировать о приоритете этих двух мероприятий никто не будет. Начальник отряда первым отложит конспекты и мигом подставит плечо.

Какую службу ни возьми — кругом все не без греха, все виноваты. Политработники — в том, что политико-воспитательная работа все еще не избавлена от казенщины и формализма. Режимники — в том, что не снижается количество неповиновений, хулиганских проявлений, что поднимают голову злостные нарушители правил внутреннего распорядка. Все вместе — что кадры ИТУ разъедают язвы вседозволенности, произвола, бездушия, неверия в свое высокое предназначение. Если бы эти явления были единичны, чрезвычайны, невероятны, и то следовало бы говорить о них и выкорчевывать нещадно. Но они, увы, массовые, привычные, и тут уже повальным изгнанием по служебному несоответствию не обойтись. Все и без того уже устали от кадровых перетрясок, реорганизаций, сокращений, надуманных новаций, окриков — словом, от всего того, что происходит тогда, когда борются со следствием, а не с причиной.

Вот почему при всем доверии в искренности усилий нового руководства МВД СССР по перестройке всех сфер деятельности ИТУ трудно поверить в ее успех в низовых звеньях — в следственных изоляторах, исправительно-трудовых и воспитательно-трудовых колониях, в тюрьмах, лечебно-трудовых профилакториях и спецкомендатурах.

И дело здесь не в слабости исполнительной дисциплины, не в небрежении к приказам. Мешать будет не это. Мешать будет наш доморощенный механизм торможения, к демонтажу которого еще и не приступали.

Чтобы понять и оценить скрытую в нем мощь, без ретроспективно-го взгляда нам не обойтись.

Исправительно-трудовые учреждения, существующие сегодня, несмотря на их принципиально новую структуру, цели и задачи, возникли не на пустом месте. Как это ни коробит слух, их прародителем был недоброй памяти ГУЛАГ НКВД. Впрочем, как в те времена говорилось, дети за отцов не отвечают, и параллель между ежовско-бериевскими лагерями и нынешними колониями более чем сомнительна и неправомерна.

Но почему так часто слышатся — не с трибун, разумеется, но достаточно громко — ностальгические нотки тоски по «прежним» временам? Почему так живучи и так восторженно принимаются даже в молодежной аудитории рассказы о бессловесно-покорных «зеках», магическом ужасе, который наводил на них любой гражданин начальник, и даже команда «шаг вправо, шаг влево — считается побег»? Почему не гнев, а умиление вызывает родившееся в годы произвола изречение: «Закон — тайга, прокурор — медведь»? Почему даже сегодня так вымученно, скороговоркой с трибун служебных совещаний и партийных собраний произносятся правильные слова о демократизации, гуманизме, гласности, а большинство слушателей упрямо мотают головами: «Это не для нас!»

Что это — социальные гены, наследие проклятого прошлого или, если помягче, нездоровые традиции?

Уже два года минуло, а не могу забыть опубликованное в «Огоньке» письмо старшего лейтенанта Берлизова, 1953 года рождения. Помните, как, злобствуя по поводу новаторства педагога П. Шетинина, Берлизов заодно проливает слезу по товарищу И. В. Сталину и клянет на чем свет стоит «бывшего товарища Хрущева». Но меня тогда садануло по сердцу даже не это. А то, что этот развязный, безграмотный доносчик (не забыли его слова о компетентных органах?) — мой коллега по недавней службе. Что он «по нынешнему роду своих занятий имеет дело с педагогическим браком — лицами, совершившими преступление».

Этот нынешний род занятий старшего лейтенанта меня особенно беспокоит — вот кто запустит на все обороты механизм торможения перестройки ИТУ! Сделать ему это будет легче легкого — он просто продолжит свои занятия так, как это делал вчера, а до него ему подобные делали еще раньше. И, более чем уверен, особые неприятности Берлизову в этом случае не грозят — у него педагогический брак наверняка ходит по струнке.

Я, кстати, давно задумывался над тем, почему нередко в чести у начальства те сотрудники, которые имеют луженые глотки, пересыпают свою речь матерщиной и стараются нагнать на осужденных как можно больше страха: криком, раздачей взысканий, холодным блеском глаз,

постоянным недоверием к каждому их шагу и слову? При всем этом они, как правило, вовсе не бесталанны, службу свою знают и то, что от них требуют, исполняют азартно. Более того, вне службы люди эти довольно компанейские, нередко обаятельные и даже спокойные нравом. Выходит, эти суровость и хамство — как служебная необходимость, как табельное оружие? Что-то вроде катализатора страха у осужденных? Представьте себе, мы недалеко от истины. «Кто кого должен бояться — мы их или они нас?» — спросили меня однажды. Да, если бы ставили задачу только лишь содержать преступников в замкнутом пространстве зоны (а так и было в ГУЛАГе!), если бы нашей целью было превратить каждого из них в покорного и нерассуждающего робота — тогда без страха не обойтись. Но если мы, по выражению Маркса, должны видеть в нарушителе закона прежде всего отца, гражданина, воина — тогда силовая борьба с ним неуместна. Тогда нужен поединок идей, взглядов, нравственных идеалов, борьба не против, а за человека.

Но и выбор оружия в такой борьбе должен быть иным. Не ежеминутное попираание достоинства осужденного — словом, взглядом, поступком, — не только воспитание, дрессировка такой методы не приемлет. Там, где «каждый сотрудник — воспитатель», не знают об этом?

Знают. Говорено-переговорено несчетно о гуманизме, человечности, справедливости, законе и законности.

В свое время, состоя, как принято в офицерской среде говорить, в должности заместителя начальника следственного изолятора по политико-воспитательной работе, я провел простенький такой эксперимент. На инструктаже дежурной смены контролеров привычными, обкатанными словами напомнил о необходимости строжайшего соблюдения законности. Сделал паузу и добавил: «Пусть все, кому поручено держать человека в тюрьме, относятся бережно к людям».

Удивлению слушателей не было границ. Пришлось защищаться: «Дзержинский. Инструкция о производстве обысков и арестов». Не сомневаюсь, что в 1918 году, когда было дано такое указание, чекисты воспринимали его как само собой разумеющееся.

А мы, недавно еще жившие в обществе развитого социализма?

Дежурный помощник начальника следственного изолятора капитан Т., заступая на ночную смену, любил мечтать: «Посажу я сегодня хоть две морды? Или не посажу?» Мечты у капитана часто становились явью. По временному постановлению до прихода утром начальника дежурный упекал в карцер и поболее. Все за то же: «Пререкался. Дерзил. Угрожал». А чтобы те осознали и прониклись к нему, капитану, трепетом, отключал в карцерах паровое отопление. Когда за камчатскую метельную ночь люди достаточно окоченевали, Т. отопление включал и шел на утренний рапорт вполне собой довольный. Однажды, правда, Т. оплошал: то ли вентиль заело, то ли просто забыл его повернуть, но

только, когда утром я спросил у одного из узников его фамилию, тот только лязгал зубами.

Будем говорить о бережном отношении к людям?

Те, кто предпочитает, чтобы боялись их, а не они, стали сегодня осторожнее — только дуракам закон не писан. Умные его чтут и соблюдают. Или ищут лазейки между строк. Закон, к примеру, определяет, что осужденных можно содержать в карцере не более пятнадцати суток, подсудимых — не более десяти, а несовершеннолетних — не более пяти. Но и те, и другие, и даже третьи, случается, не выходят из карцера и по месяцу! Нарушение закона? Ничего подобного! Пока кто-нибудь из строптивцев покорно отбывает свои положенные пять или пятнадцать суток, контролер по чьей-нибудь подсказке уже успевает написать на него два-три рапорта: «Спал в дневное время. Пререкался. Шумел». Следующие пять или пятнадцать суток ему обеспечены. Проверять хоть десять прокуроров — не подкопаешься. Уж не специально ли оставлена в законе эта щель, в которую легко проползает узаконенная жестокость? Действительно, где оговорено, что нельзя одной и той же мерой — водворением в карцер или штрафной изолятор — карать человека подряд? Для такого издевательства даже словечко придумано: «Прессовать». И прессуют!

Будем говорить о человечности?

Конец рабочего дня. Октябрьская таежная стужа. Вернувшись с лесосеки, отогреваемся в балке. Сквозь завывание ветра и треск поленьев слышу голос капитана Х., секретаря парторганизации ИТК. «С людьми не работаете! — корит он начальников отрядов. — Не умеете работать с людьми! Окриком, матом, угрозой ничего не добьетесь, не те времена. Нужно иначе. Как — научу. У тебя в кабинете еще не топили? Отлично! Надеваешь полшубок, унты, рукавицы. Ставишь для себя термос с горячим чаем. Кто у тебя не выполнил нормы выработки? Вызываешь голубчиков сюда, в твой кабинет. «Головные уборы снять!» И тихонечко, спокойно, беседуешь о чем угодно: о плане, о трудовых обязательствах, о звездных войнах или коррупции — дело десятое. Главное — они стоят и мерзнут! Им — холодно! Через час, понятное дело, ты устал, тогда приходит другой, продолжает. Ты в это время ужинаешь, а они — стоят! И мерзнут! И тоже чего куснуть хотят! И все законно! В конце вопроса: будет завтра план или продолжим беседу? Да полторы, две нормы они дадут! Работать, работать надо с людьми!»

Будем говорить о перестройке?

О дикой методе, которую двигал в массы партийный вожак, узнал начальник политотдела. «Чудит!» — была реакция.

Секретарем парторганизации Х. вскоре быть перестал в связи с переездом на новое место службы — назначили начальником крупной ИТК. С досрочным присвоением очередного звания.

А ведь о том, что выдвигенец «чудит», и в политотделе, и в управлении знали. Первый раз такую ласковую характеристику заслужил он

от начальства летом, когда самолично перестрелял всех собак на вахтовом участке. Пальбу он устроил днем, когда хозяева собак — осужденные были на лесоповале. Отстрелявшись, капитан поспешно ретировался — мало ли что. На следующий день читаю сводку: график заготовки древесины сорван. С этим стрелком у меня был крутой разговор. Он улыбался.

Месяц спустя, ночью, он пришел на подсобное хозяйство колонии и перебил собак там. Когда пришел черед кошек, Х. не стал мараться лично, а велел дневальному собрать их в мешок и утопить в реке.

Любопытно, если с ним повести разговор о милосердии, он поймет, о чем речь?

Нет, с такими, как он, я буду говорить предметнее — мало было случаев, когда такая вот вседозволенность поступков представителей администрации приводила к событиям непредсказуемым и трагичным? Разве так уж редки в колониях ЧП — поджоги зданий, захват заложников, массовые беспорядки? Не пожелаю никому воочию увидеть тысячную толпу, вышедшую из повиновения, и то, как этого повиновения придется потом добиваться. Но когда страсти утихали, начинался поиск причин происшедшего и виновников, всякий раз оказывалось одно и то же: искрой для пожара беспорядков были неправомерные действия администраций. Строго говоря — нарушения законности. Чаще всего эта искра неприметна, мгновенна. Это могла быть и рыба с душком на обед, и окрик офицера, и обсчет в зарплате — словом, последней каплей в сосуде обид. А в зоне, где администрация и осужденные существуют сами по себе, где между ними пролегает полоса отчуждения, где в цехах и общежитиях прапорщики и офицеры только властвуют, а управляют «паханы» и «углы» — капли и достаточно.

Когда после каждого такого ЧП появляются строгие приказы с анализом происшедшего, когда с ранее безупречных офицеров разом слетают погоны и папахи, простодушно думаешь — ну, все, поняли, дошло, больше не повторится.

А рецепты морозить нерадивых лесорубов, а собачье побоище назло осужденным — это ли не высекание той самой искры, не выдавливание той самой капли? Это ли не сознательное нарушение социалистической законности?

Неужели ждать еще одной «волынки», чтобы уразуметь: нельзя поступать так, себе ведь дороже!

Но не только к этому хочется свести сейчас разговор. А все к тому же: жестокосердие отнюдь не мешает, а помогает продвигаться по службе в ИТУ. И еще к тому, что происходило все это почти в тот самый месяц, когда с высокой партийной трибуны еще и еще раз напомнили нам о доброжелательности к людям, о доверии к ним, потребовали последовательного укрепления социалистической законности.

Так что же тогда происходит в ИТУ — перестройка или ее торможение?

За словом все еще не следует дело. Говорим и пишем одно, думаем другое, делаем третье. Служебный долг не позволял и не позволяет мне цитировать приказы министра, документы Политического управления МВД СССР, но о главной их направленности сказать можно и нужно: исправление и перевоспитание осужденных ставится во главу угла, выполнение производственного плана полностью подчиняется воспитательному процессу.

Нужно радоваться, а мне тревожно. Справедливое это требование просто невыполнимо. Годами, десятилетиями слышим мы эти призывы к переоценке ценностей, а толку нет. Каждый руководитель ИТУ знает по собственному опыту, что за осужденного, который после освобождения совершил новое преступление, его лишь слегка ругнут на очередном совещании. А вот за сорванный государственный план головы не сносят. О чем меня, замполита, спрашивал при встрече начальник политического отдела? Прежде всего о количестве заготовленной и вывезенной древесины, о выполнении норм выработки. О политзанятиях, о правовой пропаганде, наглядной агитации — потом.

Я уже слышу возражения: но ведь овладение профессией, общественно полезный труд разве не обязательные слагаемые исправления и перевоспитания? Непременно! Но только какой труд? Отнюдь не всякий. А лишь тот, овладев которым можно будет на долгожданной воле получить в своем родном городе или селе хорошо оплачиваемую работу, стать наконец кормильцем семьи. Я намеренно рассуждаю сейчас так приземленно, потому что ставлю себя на место своих недавних подопечных. Только стоящая рабочая специальность с высоким разрядом сможет хоть как-то заставить подобрать кадровиков и бригадиров, не очень-то жалующих таких вот просителей. А не подберут, откажут раз, другой, третий — опять отчаяние, опять дружки-утешители, опять вызовы в милицию, опять рецидив.

Так чаще всего и бывает, когда молодой человек все пять или десять лет (на сроки у нас не скупятся) валил в колонии лес, а свобода ждет его, скажем, в Прибалтике. Пригодятся там его навыки сучкоруба или вальщика? А если все годы затворничества в прошлом деревенский житель просидел за швейной машинкой — покажет он односельчанам свидетельство, в котором его именуют «швея-моторист»?

Боюсь, что в этих моих рассуждениях я не много найду единомышленников: осужденный обязан делать то, что ему велят. Но тогда найдем в себе мужество признать и то, что труд в этом случае становится только обязательным, только принудительным, только постылым, малопродуктивным и уж ни в коей мере не воспитующим.

Предвижу и другое: спрос за план, качество, рентабельность изготавливаемой продукции скоро возрастет многократно. С 1 января восемьдесят девятого года все предприятия ИТУ и ЛТП перешли на полный хозрасчет и самофинансирование. А это, понятно, прямая выгода каждому сотруднику, причем в реальном рубле. Не пользующаяся спросом или

бракованная продукция этого рубля их тотчас же лишит. А брак в виде рецидива? Такого показателя нет. И если, скажем, колония усиленного режима, где содержатся впервые судимые, сможет насытить рынок добротными кухонными гарнитурами — она сполна получит все блага самофинансирования и самоокупаемости. И если при этом из ее ворот выйдут на волю несколько законченных головорезов — рублем за это не ударят. Поэтому, если уж мы действительно хотим добиться реальных перемен в воспитании и исправлении осужденных, пора включать в него и экономические рычаги. В ИТУ хорошо мне известной Камчатке эту мысль со всевозрастающей уверенностью начинают подкреплять делами.

Продолжая разговор о приоритете воспитания, не могу отделаться от чувства недоумения, которое вызывает у меня Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1987 года «О внесении изменений и дополнений в Основы исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик». Изменения эти, в частности, коснулись ст. 6 ч. I Основ, регулирующей направление осужденных в места отбывания наказания. Раньше впервые судимые отбывали это наказание, как правило, в пределах той союзной республики, на территории которой они проживали до ареста и были осуждены. Смысл этой нормы, ее гуманность очевидны: впервые преступившие закон еще не утратили родственные и социальные связи, места, где они отбывали наказания, были не столь далеки от дома, недавней работы. К некоторым счастливым на свидания приходили не только родные, но, случалось, и однокашники по институту, училищу, заводу.

А теперь, после Указа от 12 октября? Теперь их могут направить на отсидку в другую союзную республику, в места уже отдаленные. Комментируя эти изменения в журнале «Социалистическая законность» (№ 1, 1988 г.), доктор юридических наук профессор И. Шмаров и кандидат юридических наук Ю. Соловьев пишут: «Но практика показала, что это правило (отбывание наказания рядом с домом.—Г. Р.) весьма ограничивало возможности администрации ИТУ оперативно и гибко решать задачу трудового воспитания осужденных, вовлечения их в производительный труд».

На деле это означает вот что: в Казахстане, например, сотни осужденных слоняются без дела, а в Коми лес валить некому. Но что значит «оперативно и гибко» перебросить этих по нашей вине безработных из степей Казахстана в таежные дебри Крайнего Севера? Я уже не буду говорить о трудностях адаптации людей к непривычным для них условиям — другой, более суровый климат, другой род занятий. Есть, как уже можно догадаться, проблема круче и серьезнее: многие тысячи километров отделяют впервые судимых от их очагов, от их родных и близких. Прикиньте, в какую сумму обойдется поездка на свидание женам, матерям, отцам, детям? А уж о друзьях-товарищах и говорить не приходится. Подчеркиваю: речь идет об осужденных, ВПЕРВЫЕ престу-

пивших закон, их душевные страдания тяжелее, чем у привыкших к таким разлукам рецидивистов. Сколько лишних мытарств, хлопот, расходов добавят эти «оперативность и гибкость» родственникам осужденных, сколько семейных уз будет нарушено, а сколько разрушено полностью!

Пример с Казахстаном и Коми я привел не случайно. Однажды мне пришлось сопровождать группу осужденных из ИТУ Алма-Атинской области на Север — долго мои коллеги из колоний усиленного режима костерили меня за те хлопоты, которые я им доставил. Отчаяние переселенцев толкало их на открытое неповиновение, отказы от работы. «За что?!» — эти вопросы, рвавшиеся из десятков глоток, до сих пор стоят в ушах. Между тем И. Шмаров и Ю. Соловьев этих вопросов не слышат и нововведениям рукоплещут: «Это позволяет более успешно влиять на их (осужденных.—Г. Р.) исправление и перевоспитание, приобщение к общественно полезному труду». Полноте, товарищи ученые, о воспитании ли тут вести речь? Совершенно очевидно, что эта небывалая ранее миграция осужденных вызвана только производственной необходимостью и ничем другим! И разве не горько, что эта вечная необходимость снова отодвинула в сторону примат воспитания уже не на ведомственном, а на законодательном уровне!

Разговор наш, постепенно выходя за стены ИТУ, позволяет рассмотреть проблему более объемно — места лишения свободы существуют не сами по себе и не все свои болезни нажили сами.

Не раз доводилось слышать упреки в том, что большинство арестованных после пребывания в следственных изоляторах становятся озлобленными, надломленными и душевно, и физически. Это правда. Когда я возвращался из долгих северных отпусков, многие встречи со старыми знакомыми поражали. Фамилия та, а лицо, глаза, речь другие. Особенно «малолетки», особенно девочки. Такую белизну лиц, такую синеву под глазами, такую безысходность тоски я не видел больше нигде. Только в камере. И это при том, что камчатский следственный изолятор — приятное исключение среди подобных учреждений. Никаких нар, параш, рукомойников. Кровати с матрацами, простынями, подушками. На пищу — ни одной жалобы. Везде чистота, ухоженность.

А им, в камерах, неведомо. От несвободы, от свар и потасовок с сокамерниками, от неизвестности, от тех волнностей администрации, о которых мы уже знаем. Душевные страдания тех, кто впервые в жизни проснулся под зарешеченным окном, не становятся легче от того, что они спали на койках, а не на нарах. К этому не привыкают — чем дальше, тем тяжелее. Недели, месяцы, а то и год с лишним ожиданий. Сначала ждут следователя — а его нет. Ждут предъявления обвинения — а его не предъявляют. Ждут заседания суда — а его не назначают.

Но и приговор — еще не конец томлениям. Немыслимо долго рассматриваются кассационные жалобы, особенно по групповым делам — сколько километров отмеряет иной по камере, пока его приговор

вступит в законную силу! А если суд вернет дело на доследование? Если вскроются новые обстоятельства? Тогда тот, чья вина еще не установлена и не доказана судом, кто по закону считается и невиновным вовсе, все равно заперт в камере, равно как и тот, кого к этой каре приговорил суд.

Так что же, я призываю проводить следствие — допросы, очные ставки, экспертизы — по ускоренной программе? Судить впопыхах? Рассматривать кассации не глядя? Упаси Бог — такое и без того случается. Нет, пусть и предварительное, и судебное следствие длится до тех пор, пока не восторжествует истина. Я о другом — почему при возбуждении уголовного дела всегда избирается крайняя мера пресечения — содержание под стражей? Почему я по пальцам могу пересчитать случаи, когда бы следователи эту меру изменяли? Что за надобность запирать на засов пятнадцатилетнего пацана, избившего соперника? Пилота вертолета, совершившего аварию? Офицера-подводника, трагедия которого в преступной неосторожности?

Неужели, останься они до суда в привычной домашней обстановке с подпиской о невыезде или под крупный денежный залог, до которого наши законники еще не додумались, следствие непременно зайдет в тупик и виновный избежит наказания?

Давайте не забывать — тюремная камера всегда ужас, всегда кошмар, всегда незаживающий рубец на сердце. Пусть не забудут об этом те, кто сегодня готовит правовую реформу, — от сегодняшних следователей и прокуроров я такого понимания уже не жду. Ведь не сегодня и не вчера родилось убеждение, что любое преступление раскрыть легче, если подозреваемого в нем человека упрятать за решетку: покладистее будет. Поэтому и для следователя, и для принявшего от него эстафету судьи дело — не дело, если по нему не дать срок. Для нас было сущее наказание, когда милиция начинала скопом отлавливать нарушителей паспортного режима, а судьи назначали каждому по шесть месяцев лишения свободы. Глядя, как в такие периоды стремительно заполнялись камеры, можно было подумать, что в Петропавловске-Камчатском вспыхнул бунт или случилась высадка пиратов. Как мы не бережем наших сограждан от тюрем!

Не от этого ли рвения к повальной изоляции от общества большинства правонарушителей общая цифра осужденных в стране настолько велика, что ее до сих пор не отваживаются произнести вслух?

Министерство юстиции СССР в 1987 году опубликовало некоторые данные о состоянии преступности в стране — сотрясения основ не произошло. Не пора ли МВД СССР предать гласности свою статистику хотя бы по двум позициям: сколько в местах отбывания наказания содержится впервые судимых, а сколько — рецидивистов?

Знание это необходимо не только социологам и работникам правоохранительных органов — перестройка экономики страны невозможна

без учета многих тысяч трудоспособных людей, изолированных от общества. Кто они по возрасту? По профессии? Долго ли народному хозяйству страны дожидаться вполне квалифицированного резерва рабочей силы?

Не случайно такой авторитетный ученый, как академик П. Л. Капица, определяя уровень социального прогресса общества, желал знать количество людей, сидящих в тюрьмах. Он справедливо полагал, что чем меньше это количество, тем крепче нравственное здоровье народа.

Соглашаясь с этим, добавим: исцелять пороки совершивших преступления граждан исправительно-трудовые учреждения не смогут, если не разомкнут порочный круг, в который те угодили.

Но сначала ИТУ должны избавиться от тех болезней, которыми страдают сами — как наследственными, так и приобретенными.

ЛИЦОМ К СТЕНЕ

Неслышно в специально на то оборудованных камерах следственных изоляторов звучат выстрелы. Волей суда оборвана еще одна беспутная жизнь.

Такой финал преступных деяний сейчас редкость — будь гласной эта страшная статистика, мы бы легко убедились в этом. Можно сказать, что суды стали гуманнее, но я выберу другое объяснение — осторожнее. Даже за леденящие кровь злодейства предпочитают наказывать пятнадцатую годами лишения свободы — верная гарантия, что Верховный Суд не вернет дело на доследование или не изменит приговор. Страхуют и себя, и следователей. Наше правосудие вообще очень чутко к общественной атмосфере — стоит ей ожесточиться, и приговоры строже. А громче будут звучать слова о доброте и милосердии — учтут и это.

Летом восемьдесят четвертого года Петропавловск-Камчатский потрясло небывалое здесь убийство — в один из вечеров были убиты хозяйка квартиры и ее взрослый сын. Убивали их неумело, а поэтому особенно зверски. Город негодовал, мотивы преступления были очевидны и отвратительны — польстились на деньги и золото. Почти по беспспорным уликам по подозрению в убийстве арестовали молодого матроса Конова Валерия Маратовича. Следствие прошло гладко, преступник от него не отпирался, а в один из дней процесса вдруг взял, да и от всех показаний отказался: это я, дескать, от испуга себя оговорил. Суд это запоздалое прозрение обвиняемого во внимание не принял и приговорил его к исключительной мере наказания — расстрелу.

Верховному Суду Российской Федерации улики против Конова показались отнюдь не беспспорными, и дело было возвращено: «Доследовать!» Второй процесс — и снова тот же приговор: расстрел! Шел уже восемьдесят шестой год. И опять: «Доследовать!». В восемьдесят седь-

мом году, спустя три с лишним года после убийства, эти бесконечные доследования так и не удовлетворили ни суд, ни прокуратуру — следствие пошло по третьему кругу.

Это, конечно, не правило — исключение. Пока Конов четыре с лишним года маялся в ожидании развязки, четырех его соседей по камерам смертников успели поставить лицом к стене. Хотя, повторяю, и не так часто, как в былые годы, но время от времени нам напоминают, что смертная казнь далеко не декларация, не пугало — факт.

Но даже эти редкие выстрелы из-за тюремных стен общество слышит, хотя и сообщают о них всего одной строчкой: «Приговор приведен в исполнение». Слух этот стал за последние год-два острее, а чувства тревожнее. «Нужна ли нам смертная казнь вообще?» — никогда, в обозримом прошлом, по-моему, такой лобовой вопрос нас и не посещал. Значит, хоть какая-то толика наших сограждан стала сегодня и добрее, и милосерднее, ей небезразлично, что в мирное время здорового и чаще всего молодого человека, которому жить да жить, в определенный день и час этой жизни лишают. За его не прощенную ни законом, ни законодателем вину.

Речь, как видим, сегодня уже не о том, надо ли было казнить того или иного преступника, а о правомерности смертной казни вообще. Остроту в этом споре прибавит и то, что каждому, кто внимательно изучил действующий ныне Уголовный кодекс, смертная казнь покажется уже не исключительной, а весьма распространенной мерой наказания: ее предусматривают за 7 общеуголовных, 11 государственных, 16 воинских преступлений в военное время и 2 — в мирное.

Какая же, простите, это исключительность?

А если кодекс читать еще внимательнее, с комментариями к каждой «тяжелой» статье, любопытно будет отметить, что расстрел начал венчать многие статьи УК именно в начале 60-х годов, когда нас наперебой уверяли, что человек человеку — друг, товарищ и брат. Именно тогда мы так азартно ухватились за дубину возмездия, что тут же ее перегнули (а когда не перегибали?): только что введенный закон о смертной казни за валютные махинации вдруг да и возымел в одном памятном случае обратную силу, чего не случалось во веки веков.

Что же это было тогда? Что двигало нашими лидерами и нашими законодателями, только что избавившими народ от чудовищных беззаконий сталинщины? Ведь и десяти лет не прошло, как стихла не прекращавшаяся десятилетия оружейная трескотня, выкосившая миллионы безвинных. Почему не резали слух новые выстрелы? Вспомним разъяснения тех лет: раньше беззаконие уничтожало невиновных, теперь закон справедливо карает виноватых. Разве не заботимся мы тем самым о крепости экономической мощи державы, о чести и достоинстве своих сограждан?

Цель, как видим, высокая, а средство? Все то же: страх.

Казалось бы, парадокс — общество, и без того уставшее от страха мрачных времен, в благовестные шестидесятые снова дружно хлопает в ладоши в задах судов, которые карают смертью взяточников, валютчиков, расхитителей, насильников. В этих аплодисментах, думается, был не столько восторг от суровости новых законов, сколько искренний народный гнев на жулье, роскошествующее при нашей повальной тогда беднотице, при наших коммуналках, при грошовой зарплате, при хлебе, который уже возим из-за морей. И ведь все они, разные там рокоты-вы и файбищенко — к стенке их!

Мы уже знаем теперь, каков был результат тех расстрелов, которые так и хочется назвать благотворительными. Годы застоя изумили, все еще изумляют, все еще будут изумлять нас таким размахом хищений, коррупции, взяток, что не избавишься от шальной мысли: либо при Хрущеве расстреливали не тех, либо при Брежневе жулики уверовали в загробную жизнь!

Впрочем, неверие в то, что у нас на самом деле, всерьез приводят в исполнение смертные приговоры, не так уж редко. Легенд о выстрелах холостыми пулями и последующей ссылке в тьмутараканские урановые рудники я наслушался предостаточно. Дело дошло до того, что один журналист, побывав на Прикаспийском горно-металлургическом комбинате, где добывают тот самый уран, опубликовал потом в газете «Социалистическая индустрия» репортаж под все обещающим заголовком: «Конец легендам о смертниках». А я и после этого продолжаю слышать рассказы об очевидцах, которые и в камере смертников сиделись, и лицом к стене постоять успели, но выстрела в затылок так и не дождались: попугали, и будет.

Когда-то властелины действительно обожали подобные эффекты. Вот уже все готово для казни, вот уже народ затаил дыхание, чтобы лучше услышать удар топора, а тут мчится курьер от государя или сам монарх милостиво машет платочком, останавливая палача. И смерть отступает от обреченного.

Все эти святочные рассказы — либо из давней истории, либо из романов о днях минувших. Сегодня, если уж и последнее ходатайство осужденного о помиловании отклонено высшим органом государственной власти, никаких конвертов вдогонку не шлют. Приговор в этом случае будет исполнен незамедлительно. Выстрел у стены — реальность. И всегда это страшно, всегда тяжело, всегда невыносимо даже для тех, кого эта печальная служебная необходимость задевает хотя бы косвенно. И, поверьте, первыми, кто воспринял бы весть об отмене смертной казни с душевным облегчением, были бы именно они — сотрудники следственных изоляторов.

Признаюсь теперь: обходя тюремные коридоры, я старался как можно тише ступать в том из них, где заключены смертники. Особенно в конце дня, когда чувствовал, что запас сострадания уже растрочен, что ни говорить, ни слушать, ни улыбаться уже невозможность. А им, смертни-

кам, нужно только это: просто слово, просто внимание, просто улыбка. Не можешь — ступай на носках, проходи мимо. Но не тут-то было! «Гражданин замполит! Подойдите! Я же слышу!» — доносится из-за пудовой двери. Конечно, это Костя Иванов — нашему знакомству уже полтора года. Полтора года Костя ждет, когда его убьют. Это его выражение: «Интересно, до лета меня не убьют?» Костю я пристрастил к чтению, и то, что это удалось, поразило нас обоих. Костя уже знает Чехова, прочел «Теркина», сейчас впился в Шолохова, в «Тихий Дон». В своей одиночке он громко, подчас со слезой жалеет Григория, жалеет Акинью, жалеет Подтелкова и офицеров, порубанных под Глубокой. Хоть полчасика, да надо пожалеть с ним вместе — так Косте легче. И не только ему — то у одного, то у другого смертника время от времени наступает период неудержимой разговорчивости, а собеседника нет. На прогулку их не водят, в баню поодиночке. Круглые сутки — четыре стены и тишина. Поэтому тому же Косте очень трудно избавиться от каждодневных расчетов, когда же именно его убьют. Верховный Суд приговор оставил в силе, первая «помиловка» — в Президиум Верховного Совета России — отказ. Теперь у Иванова последняя надежда — на самого главу государства.

— Дело у меня глухое, — часто повторяет Костя. — Убьют. И правильно сделают.

Я помню день, когда его привезли к нам почти сразу после ареста. Прочитал протокол задержания — мерзкая история, дикая. Иванов, лицо без определенных занятий и без определенного места жительства, пьяница и браконьер, уложил дуэтом инспектора рыбоохраны. Там и штрафа-то грозило всего ничего, и свидетелей полно было, и инспектор не вьедливый мужик был, с какой стати хватать ружье и убивать?

В камере страх вползал в Иванова постепенно. После приговора он еще хорохорился, доводил контролеров до белого каления и при моем появлении демонстративно зевал. Определение Верховного Суда, казалось, тоже его не очень встревожило. А вот время — недели, месяцы, год в одиночке, в полосатой одежде дело свое сделали. Не знаю, может быть, и чтение тут помогло, и наши с ним разговоры — другой человек ждал сейчас решения: жить ему или не жить.

Однажды он мне сказал:

— Вы не смейтесь — я только здесь, в тюрьме, человеком себя почувствовал. Вся жизнь — одна сплошная пьянка. Я ведь только здесь целый год — и трезвый! Первые книги в тюрьме прочитал. Если не убьют — в зоне буду вкалывать по-черному, каждый месяц перевод семье того мужика, убитого. Господи, как я буду вкалывать, как пахать!

За Ивановым пришли осенью, когда он читал «Судьбу человека». Никогда не забыть его взгляда, его лица у того, последнего порога.

Все думаю: какие чувства вызовет этот рассказ? Видимо, жалость — что же это за жизнь такая была у парня, что все человеческое проснулось в нем только в тюрьме? Будут наверняка сомнения — какая

польза от его смерти? Возможно, кто-то поверит: сохрани Иванову жизнь — и он оправдал бы такую милость.

Я тоже маялся вопросом: искренним ли было его раскаяние? Ведь перемены происходили с осужденным тогда, когда он со дня на день ожидал решения своей судьбы — быть ему или не быть? А если бы помиловали — какие чувства, какие мысли овладели бы им тогда?

Тех, кого этот вопрос коробит подозрительностью, познакомлю с Шахназаровым, тоже убийцей. Он постарше Кости, крепче характером, жизнь потрепала его основательно. Даже в наших привычных ко всему стенах Шахназаров производил впечатление: по обвинению в убийстве его арестовали в колонии усиленного режима, где он отбывал наказание тоже за убийство.

Года два назад Шахназаров в ссоре зарезал свою любовницу, тело которой пытался сжечь. Мотивы у него были корыстные — деньги; областной суд долго не колебался — к смертной казни. Верховный Суд не согласился и определил убийце пятнадцать лет лишения свободы.

И вот теперь, через два года отсидки, Шахназаров убил прапорщика, который засек его с крупной суммой денег. Гнусно убил, подло. Деньги Шахназаров прятал на крыше строящегося трехэтажного цеха, а тут, как на грех, он, прапорщик. Убийца первым шагнул ему навстречу и, подойдя, ударом ноги сбросил вниз, на груды арматуры. Я знал этого прапорщика. Знал и любил. Все в нем было крупным, красивым — рост, плечищи, улыбка. Ни одного осужденного не обидел он ни словом, ни поступком — справедлив был и совестлив, не очерствел на чертовой своей службе. Когда мы узнали, что следующим этапом доставят к нам Шахназарова, я убрал с постов контролеров, которые знали его жертву, — ненавишь клокотала в парнях, мало ли что...

Рассказывали, что в зоне Шахназаров вел себя нагло, отлынивал от работы, среди осужденных зарабатывал себе авторитет рассказами о муках, которые претерпел в камере смертников.

После второго преступления в Шахназарова вселился не страх — ужас. Он заискивал перед каждым, кто подходил к его камере — от начальника до раздатчика пищи. Характеристику для суда Шахназаров заработал отменную: «Дисциплинирован, выдержан, с представителями администрации вежлив, режим содержания и правила внутреннего распорядка соблюдает». Суду, как говорится, все было ясно: убийца, отбывая наказание в колонии, снова убивает, причем должностное лицо. К смертной казни! Из спецмашины солдаты конвоя выносили Шахназарова на руках — в прострацию он впал прямо в зале суда, когда на его запястьях после объявления приговора защелкнули наручники. Все то время, когда дело в кассационном порядке рассматривал Верховный Суд, Шахназаров просидел без единого замечания. Разговаривать с ним было необременительно и скучно: «Так точно! Слушаюсь! Благодарю, гражданин начальник!»

Когда пришло определение из Москвы, объявлять его выпало мне. Зная, чем подчас кончаются такие чтения, я, кроме положенных в таких случаях офицеров и сержантов, пригласил в кабинет и фельдшера с его саквояжем. Еще по дороге из камеры Шахназаров понял необычность происходящего — один неурочный визит дежурного для смертника не случаен. Когда Шахназарова ввели, а я встал, да еще с красной папкой в руках, это его едва не доконало. Зрачки в его глазах остановились, было слышно, как мелко дрожит цепочка наручников на его руках.

Судейские документы, даже содержащие весьма краткое решение, всегда пространны и подробны, до завершающей фразы я добирался довольно долго, и Шахназаров совсем был плох, контролерам даже пришлось его поддерживать.

Но вот наконец:

— Приговор отменить, дело направить на следствие.

Фельдшера я пригласил не напрасно.

Увидел я счастливого часа через два, когда с него сняли полосатую одежду и перевели в общую камеру. Утомленно развалившись на лучшей койке, он потягивал сигарету и громко что-то рассказывал, хохоча. Заметив приоткрытый «глазок», рывком привстал и гаркнул что есть мочи:

— Ты! Мусор! Во тебе!

Навстречу мне протянулся кукиш.

Может, хватит этих живописаний? Можно уже догадаться, что Шахназаров выкидывал впоследствии и не такие коленца. Тут просится вопрос: убийцу не помиловали, даже не заменили расстрел лишением свободы, а он уже сбросил с себя маску покаяния и распоясался вовсю. С чего бы так? Что за вешнее сердце у этого убийцы-рецидивиста?

Все проще. Так уж получается по ряду наблюдений за сходными ситуациями, что повторное слушание одного и того же дела в одном и том же суде редко подтверждает предыдущий приговор. Потому что если на стадии предварительного следствия хоть в одном эпизоде сработали поспешно, халтурно и, следовательно, бездоказательно, — сомнение Верховного Суда обеспечено. Тем более когда приговор столь суров. Тогда еще одна отмена? Еще одно следствие и еще один процесс? Кого ж из судей это красит?

Можно уже догадаться, что второй приговор убийце был ровно таким же, какой у него уже имелся, — 15 лет лишения свободы, теперь уже в колонии строгого режима. А поскольку сроки наказания складывать у нас нельзя, возмездие за погибшего на посту прапорщика состояло лишь в том, что отбытые по первому приговору два года Шахназарову не засчитали, а начали срок сначала.

Пока бандит ждал вступления приговора в законную силу, он каждому из нас сполна выговорил все те гадости, которые висели у него на языке все долгие месяцы постыдной теперь покорности. Начальнику отдела ИТК, к которому вскоре попал Шахназаров, я могу только посо-

чувствовать: воспитывать этого нелюдя бесполезно. Лозунг прежних времен «Нет людей неисправимых» — не более, чем благое пожелание.

Понимаю, дурно, грешно примерять поведение Шахназарова на покойного уже Иванова. Но вдруг и у того прошел, забылся бы и страх, и все прочитанное, все переговоренное со мной и без меня в четырех стенах одиночки?

Пока будет существовать смертная казнь, будут и эти гадания. Опытные и добросовестные следователь и судьи в идеале могут, разумеется, исчерпывающе точно доказать вину убийцы. Но ни областной, ни Верховный Суд, ни даже Пленум этого суда не возьмутся так же доказательно и убедительно объяснить, почему за почти похожее злодеяние одному убийце даруется жизнь, а другому — нет? А чем, скажите, руководствуется высший орган государственной власти, когда одно ходатайство о помиловании отклоняет, а другое удовлетворяет? Когда одному — жизнь, а другому — смерть? С учетом личности преступника, дескать, принимается решение? А где критерии определения плюсов и минусов этой личности?

Когда меня спрашивают, почему я все же верил Иванову, что я могу ответить? Постучать ладонью по сердцу — оно, мол, подсказывает? Доказательство? Для меня — да. Но не для весов же Фемиды!

Поэтому, пока смертная казнь еще не исчезла из нашего правосознания, первая просьба к следователям: никаких натяжек, никакой слепоты, никакого непрофессионализма! Дело того же Конова тянется уже пятый год, выдержало два судебных процесса и доследуется по сей день. И вовсе не потому, что к обвиняемому все вдруг проявили гуманность и пожалели его по молодости лет. А потому лишь, что халтурно и торопливо шли по горячим следам преступления, попали под гипноз очевидности каждой детали, каждой улики и помчались дальше там, где следовало остановиться. Потом четырежды пришлось возвращаться — и пока без толку!

Не знаю, пусть Конов трижды виноват, но я видел, как он отсиживал эти три с лишним года, что творилось с парнем, когда его дважды приводили в камеру смертников и дважды из нее выводили! Будь моя воля, я бы этим пережитым и переживаемым еще кошмаром и счел бы его вину (если она действительно была) искупленной.

Глупо и фарисейски вести толки о гуманизации процедуры смертной казни /а слышатся и такие/, но смягчить режим в камерах смертников нужно непременно. На протяжении двух, а то и более лет лишать человека прогулки — неразумно и, более того, жестоко. Меньше хлопот режимной службе, только и всего. А наглухо задраивать окна — это к чему? Те, кто смотрел фильм «Высший суд», заметили, видимо, как режиссер Герц Франк в каких только ракурсах не показывал нам это окно с «козырьком» до потолка.

Все эти предложения, как можно догадаться, имеют смысл лишь в том случае, если смертная казнь будет сохранена. Скорее всего, так и случится — во всяком случае, проект Основ уголовного законодательства предусматривает расстрел за 6 видов преступлений. Думаю, что проект этот станет Законом — на сегодняшнем этапе развития нашего общества отказаться напрочь от этой меры наказания по крайней мере нереально. Во-первых, мы лишь недавно с запоздалым изумлением обнаружили существование в стране организованной преступности — кто знает, какие злодеяния вскроются, докопайся мы до ее глубин и истоков. И тех, которые уже известны, достаточно, чтобы повременить с милосердием к крестным отцам нашей доморощенной мафии. За подземные тюрьмы, за средневековые пытки и убийства, за повальное разграбление державы — дать этой преступной дьявольщине шанс на жизнь? Повторяю: такие преступления, такая «мокруха» и такие барыши не снились ни Леньке Пантелееву, ни Мишке Япончику, ни «Черной кошке», ни разом всей уголовщине, расплывшейся по стране после бериевской амнистии пятьдесят третьего года. И дело здесь не только в отщепенности. Пока не выкорчевана коррупция во всех без исключения правоохранительных органах, я не поручусь, что тот или иной крупномасштабный делец будет отбывать свой срок в колонии, как «простой советский заключенный» — и из «общака» его подкормят, и слишком надорваться во искупление вины не дадут, и, не исключено, поначалу казавшийся вечным срок наказания помогут со временем скостить. Разве так не бывало? Не бывает?

Во-вторых, нужно считаться и с общественным мнением — приверженность многих наших сограждан к жестоким карам преступникам общеизвестна. На мой стол едва не ежедневно ложатся письма, авторы которых предлагают ввести в обиход столь ужасные способы казней, что содрогнулся бы Малюта Скуратов со товарищи по опричнине. Не так давно один почтенный отец семейства до того опечалился мягким, по его мнению, приговором брату и сестре Овечкиным (помните «Семь Симеонов»), что предложил собственный вердикт: беременную Ольгу и несовершеннолетнего Игоря взять да и привязать за ноги к веткам деревьев. Взять да и эти ветки отпустить. Или привязать к автомобилям. Или к лошадям. Читал и коллективные — сотни подписей! — требования устраивать публичные повешения, колесования, четвертования и даже сожжения злодеев. Каково? Впрочем, не будем удивляться: десятилетия сталинщины, и в грош не ставившей человеческую жизнь, не прошли бесследно.

Бесспорно в этих дискуссиях одно: смертная казнь должна действительно стать исключительной мерой наказания. Кто возражал, когда поставили к стенке упыря из Белоруссии? Старшего из ростовских «братьев-разбойников»? Шпиона одной иностранной державы? Никто.

...А Костю Иванова жалко. Мог бы жить.

РЕШЕТКИ ПРО ЗАПАС

Еще недавно известие об этом событии увенчивали грифом «Секретно!», хранили за плотными дверцами служебных сейфов и в засургученных конвертах, отправляемых фельдсвязью.

И вдруг на тебе — покров тайны приподняли те, кто ее берег. 24 декабря прошлого года в популярной «Камчатской неделе», на третьей ее страничке, появилось среди многих других на первый взгляд ничем не примечательное объявление: «Отдел УВД имеет возможность реализовать предприятиям города и кооперативам: простыни суровые, халаты черные, саржу суровую, одеяла байковые, сапоги кирзовые, рукавицы х/б, телогрейки, шаровары ватные, миски алюминиевые.

За справками обращаться по тел. 5—09—69, 5—07—70».

У непосвященного читателя возникнет по крайней мере один вопрос: с чего это вдруг управление внутренних дел ударились в коммерческие операции? Организовало на радость жителям Камчатки производство ширпотреба и распродает его без обычных в таком деле посредников?

Люди знающие таких вопросов не задавали. Во-первых, им было известно, что указанные для справок телефоны принадлежат отделу по исправительным делам УВД, а во-вторых, ассортимент предлагаемых товаров не оставлял сомнений: припасены они были для осужденных, а теперь стали как бы лишними. Похоже было на то, что разговоры, будоражившие город на протяжении многих лет, наконец-то привели к решению: колония общего режима, ошестинившаяся проволокой едва ли не в центре города, закрывалась.

А раз так, то и смысл уже знакомого нам объявления становится более чем понятным: кому теперь спать под простынями суровыми, носить шаровары ватные, есть из мисок алюминиевых? Непонятно было другое, главное: куда теперь денут несостоявшихся хозяев этого добра — осужденных? Вопрос далеко не праздный для их матерей, отцов, жен, детей. Добро бы, была на Камчатке еще одна зона общего режима — этапировали бы в нее недосидевших на старом месте срок преступников и ездила бы родня с передачами и на свидание по новому адресу, только и всего. А если такое учреждение — единственное на весь полуостров? Тогда остается одно: везти переселенцев то ли в Приморье, то ли в Хабаровский край. Вот это уже беда, так беда: попробуй, покатайся от Петропавловска-Камчатского до того же Владивостока хоть два-три раза в год — никаких северных надбавок не напасешься. А если у кого из родителей и годы уже не те, и со здоровьем неладно, не увидят они своих непутевых детей немисливо долгие годы.

Все эти вопросы, все разом возникшие тревоги многочисленная родня осужденных разногласицей толпы обрушила на начальника колонии майора Васильченко.

Евгений Ильич, обомлев поначалу и от множества посетителей, и от их лобовых вопросов, показал в улыбке свои ямочки на впалых щеках и решился, — гласность так гласность: да, все правда. Дождемся приказа — и в путь-дорогу. Куда? А вот этого остающийся без подопечных начальник и, правда, не знал.

И пока длилось это незнание, пока руководители УВД тормозили Москву, а та все отмалчивалась, каждое утро и каждый день до самого вечера видел Васильченко одни и те же лица и ту же тревогу на них. И хуже всего на душе у начальника было оттого, что почти все его воспитанники — совсем еще мальчишки, впервые угодившие за колючую проволоку за преступления, не являющиеся тяжкими. Трудновато каждому из них придется и на долгом этапе, и в новой зоне, в которой еще неизвестно, какие порядки и какая атмосфера среди старожилов: упаси бог, если встретят они камчатцев так, как, например, на Сахалине, где не раз едва до ножей не доходило! Когда спустя полтора месяца после публикации знаменитого объявления я приехал в доживавшую последние дни колонию, Васильченко уже слег — прихватило сердце, а с ходками беседовал его заместитель по политработе майор Рудюк. И так же улыбался, и так же разводил руками — нечего ему было ответить.

Странно было ходить по зоне, которая по прошлой службе на Камчатке помнилась мне всегда многолюдной, всегда ухоженной, всегда грохочущей. Горы неубранного снега, мусора, наледь, куски металла и щепы под ногами. Цеха заколочены, половина общежитий тоже. Рассчитанная на пятисот человек, колония обычно принимала в свои стены и поболее, но с годами стала пустеть: и суды перестали отвешивать парням сроки за ящик украденной сдуру сгущенки, и амнистия прошлого года выпустила на волю едва ли не каждого третьего. Так и дожили до того дня, когда и конвойная рота, и десятки офицеров, прапорщиков и вольнонаемных опекали едва ли не такое же количество осужденных. Не бессмыслица ли? Закрыли же в прошлом году на той же Камчатке одну за другой две колонии — строгого и усиленного режимов. Все потому же: отсидевшие срок или «скостившие» его осужденные уходили, а пополнения как не было, так и нет! А потому вполне естественным было то, что в одной бывшей колонии разместили складские помещения и базу рыбоопа, а строения другой перешли во владения леспромхоза. Одну добротную солдатскую казарму мигом перестроили во вполне современный детский сад, а вторую приспособили под общежитие для лесорубов.

Хожу сейчас по опустевшей зоне и начинаю понимать, что близящаяся с каждым днем ликвидация этого осточертевшего городским властям тюремного ведомства — не случайность, а лишь еще одно подтверждение наметившегося в нашей правоохранительной системе процесса. Ах, если бы он был однозначно прост, в какие бы давно забытые фанфары мы бы сейчас протрубили! Какие бы красивые словеса выстро-

ились: «Казарма — детям!» «Воспитатели — без воспитанников», «Прощай, колония!» А фотографии, снимки, какие могли бы подтвердить нашу бескрайнюю радость: вот под ножом бульдозера валится навзничь сторожевая вышка, вот скручена в никчемный моток колючая проволока, а вот мускулистая рабочая рука вдребезги разбивает решетки камер штрафного изолятора!

Одна только просьба: не спешить высмеивать меня за почерпнутые из застойных времен фантазии, не так уж они потешны, как кажется на первый взгляд. Рискую, конечно, но признаться надо — еще во время многочасового полета на Камчатку наш фотокорреспондент видел мысленно именно те картинки, которыми я только что похвалялся. А как еще, спрашивается, было нам реагировать на такое вот сообщение Главного /объединенного/ управления по исправительным делам МВД СССР: за последние три года численность осужденных в исправительно-трудовых колониях сократилась на сорок процентов! Несовершеннолетних в ВТК — на сорок пять процентов! Только в прошлом году закрыто свыше ста колоний! И хоть эта потолочная статистика, к которой все еще тяготеет МВД, не позволяла нам понять, в сто пятаю или в сто пятнадцатую по счету закрываемую колонию мы сейчас направляемся, счастливая безмятежность все более прочно поселялась в нас обоих. А вам, читатель, не хочется при этих отрадных цифрах так захлопать в ладоши, чтобы бурные аплодисменты перешли в овацию? Смотрите, только на одной Камчатке из пяти существовавших там колоний две уже исчезли, а закрытие третьей мы увидим собственными глазами. А увидев, непременно поймаем себя на шальной мысли: выходит, мы так преуспели в борьбе с преступностью, что и сажать-то в пустыющие колонии уже некого? Зачем же иначе открывать настежь ворота ста с чем-то там колоний и двери камер следственных изоляторов?

Хочу теперь вспомнить: когда именно нас стала покидать заданная еще в Москве эйфория? Тогда, когда мы увидели, как на месте порушенной в центре Петропавловска колонии уже под крышу возводится солидное по здешним меркам новое здание отдела по исправительным делам? Того самого ОИД УВД, который сейчас торгует шароварами и мисками, а не сегодня завтра лишится последних подчиненных ему колоний? Или когда узнали, что и рыболовецкие кооператоры, и лесопромышленники до сих пор трудятся за оградой из не тронутой ни лопатой, ни бульдозером колючей проволоки и прочно стоящих по всему периметру вышек? Или прозрение наше стало наступать после лобового вопроса заведующего государственно-правовым отделом обкома партии Е. Н. Урбана:

— Если сегодня мы закрыли ряд колоний, то кто поручится, что их не придется открыть завтра? Что, снова тогда будем возводить охранные сооружения — ставить заборы, стены, обматывать их проволокой, осна-

щать сигнализацией? Нет уж, пусть стоят, как стояли, — запас карман не тянет.

Чем объяснить эту подстраховку Евгения Николаевича, его откровенное неверие в необратимость сокращения количества осужденных хотя бы в масштабах одной только Камчатки?

Только одним: достоверным знанием положения дел в подведомственных ему административных органах, трезвым анализом отнюдь не утешительных результатов борьбы с преступностью.

Исправительно-трудовые учреждения, как можно понять и неспециалисту, существуют не сами по себе — они одно из звеньев много-сложной системы органов внутренних дел. Попробую объяснить это проще, доходчивее: если милиция будет успешно обезвреживать преступников и представлять судам бесспорные доказательства их вины — ни камеры следственных изоляторов, ни бараки колоний пустовать не будут. Короче говоря, отказаться от этих постылых для любого общества учреждений можно лишь при том неременном условии, если подавляющее большинство его граждан будут свято блюсти закон и не помышлять о его преступном нарушении.

Как же далека от жизни эта идиллия!

В те дни, когда мы гостили на Камчатке, оперативная сводка дежурного по УВД свидетельствовала: взломаны замки на дверях пяти кооперативных гаражей, предпринята неудачная попытка ограбления сбербанка, со склада автобазы украдено 66 литров спирта, в своей квартире избита и изнасилована одинокая женщина, совершено разбойное нападение, случаев краж и хулиганств — несчетно. Узнали мы и о том, что только за одну неделю после нашего приезда на полуострове совершено на сорок восемь преступлений больше, чем за предыдущую, когда мы еще из Москвы не уезжали. Всего же за эту семидневку милиция зарегистрировала 151 заявление о совершенных преступлениях, из которых 72 раскрыла по горячим следам.

Но неделя, разумеется, не показатель, сравним уголовную статистику хотя бы прошлого года и позапрошлого. Вывод тревожный: количество преступлений, зарегистрированных только по линии уголовного розыска, возросло на тридцать процентов. Еще тревожнее то, что удельный вес нераскрытых за 1988 год преступлений составил 40,5 процента. Я прикинул, что называется, на глазок и потерял покой: оказалось, что на воле прохлаждается почти тысяча не отловленных милицией воров, хулиганов, насильников. Догadyвается теперь, для кого приберегают на Камчатке и камеры СИЗО, и проволоку с вышками?

Впрочем, колонии пополняет не милиция и не прокуратура: их дело преступника обезвредить и провести предварительное следствие. Судьбу же его будет решать суд, и только он вправе определить меру наказания: то ли наложить штраф, то ли приговорить условно, а то и оставить под стражей. Так вот — в прошлом году из 1310 человек, осужденных камчатскими судами, лишь 342 были лишены свободы. Неве-

роятный, немыслимый еще два-три года назад расклад, когда те же суды отвечивали годы заключения за украденный подростком велосипед, потасовку двух подвыпивших соседей или излишнюю по тем временам самодельность предприимчивого хозяйственника. Не правда ли, просятся сейчас на бумагу такие выражения, как «гуманизация судебной практики», «подвижка к созданию правового государства». Но я от них воздержусь. При назначении наказаний, не связанных с лишением свободы, суды руководствовались более уважительным, чем бывало ранее, отношением к закону и здравым смыслом — во всяком случае, мне пока не известен ни один процесс, после которого бы со скамьи подсудимых отправился домой преступник, совершивший тяжкое злодеяние. А это значит, что в поставленные милицией сети попадаетеся, как принято говорить, чаще всего «мелкая рыбешка» и среди нераскрытых преступлений так много тяжких: убийств, изнасилований, разбойных нападений, краж личного имущества граждан. Вот уж по кому действительно тюрьма плачет!

И такое положение не только, разумеется, на Камчатке — не так давно МВД СССР впервые за многие десятилетия сделало достоянием гласности статистику преступности и борьбы с ней уже в масштабах страны. Те, кто хоть бегло взглянул на частокол ранее секретных цифр, мигом отметили знак беды: преступность не только растет, но и имеет уже стойкую тенденцию к этому. Хотелось бы, конечно, проследить ее поступательность на протяжении хотя бы нескольких лет, но удовлетворимся двумя годами — прошлым и позапрошлым. Направление главного удара преступников выявляется сразу же — против личности, против человека, против нас с вами. Итак, постараясь представить себе, какое половодье человеческого горя стоит за такими вот цифрами (в скобках покажем темпы прироста за год): 16 тысяч 710 умышленных убийств (+14,1 процента), 37 тысяч 191 умышленное тяжкое телесное повреждение (+31,6), 17 тысяч 658 изнасилований (+5,3), 12 тысяч 916 разбойных нападений (+42,8), 67 тысяч 114 грабежей (+44,4), 548 тысяч 524 кражи личного имущества (+36,6). Отметим — и это главное, что каждое из этих злодеяний произошло не вдруг, не в результате помрачения ума или всплеска эмоций. У каждого из негодяев был точный расчет, продуманный умысел, а потому и удавшиеся убийства, изнасилования, разбои, грабежи, кражи. Но если подобные мерзости совершаются, как правило, без свидетелей, то так называемая уличная преступность неистовствует на наших с вами глазах, средь бела дня или при свете фонарей — здесь, на улицах и в переулках, на площадях и в скверах и калечат, и убивают, и насилуют. Прежде всего, по данным МВД СССР, такое стало типичным в Молдавской и Киргизской ССР, в Северо-Осетинской АССР, в Свердловской и Магаданской областях.

Помню, с каким восторгом была встречена эта долгожданная подвижка к гласности со стороны МВД СССР — ведь обет молчания оно свято хранило аж с 1933 года. Что ж, и за это робкое на первых порах

приподнятые занавеса можно было бы сказать спасибо, если бы не серьезные опасения в том, что и эти более чем скромные данные являются безукоризненно точными. Статистика, например, утверждает, что мошенничество в стране снизилось на 9,8 процента, а спекуляция возросла на 4,3 процента. У профессиональных розыскников эти цифры вызовут лишь улыбку: при нашем повальном дефиците изворотливые люди наживаются и на мыле, и на телевизорах, и на автомобилях, но привлечь за спекуляцию удастся лишь дилетанта или ненормального. Чтобы убедиться в этом, достаточно раз-другой прогуляться по Рижскому рынку в Москве или сходить на толкучку в любом из городов. Что же касается мошенников, то кому не известно, что они почти поголовно переквалифицировались то ли в наперсточников, то ли в карточных шулеров, деяния которых, оказывается, вовсе не подпадают ни под одну из статей Уголовного кодекса, а потому и не учитываются.

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов так называемую латентную преступность: это может быть и кража, и грабеж, и даже изнасилование, о которых потерпевшие по тем или иным причинам предпочитают не заявлять. Сюда, разумеется, входит и рэкет — мы уже не раз слышали по телевидению откровенные признания кооператоров в том, что они предпочитают выплатить вымогателям оброк, но с милицией не связываться. На эту покорность, как я полагаю, их подвинули не только страх, но и трезвый расчет: а не попадет ли мое заявление в руки именно того стража порядка, который в среде рэкетиров свой человек? Знают ведь из той же статистики, что за последние три года около 600 работников милиции уличены в совместных с преступниками действиях? Что сами работники органов внутренних дел украли у государства ни много ни мало пять миллионов рублей?

А если от этого заявления попросту отмахнутся, заволокут его или спрячут в долгий ящик? В прошлом году, например, МВД СССР проверило жалобы граждан, обращавшихся в милицию за помощью и не получивших ее. Знаете, сколько в ходе этой проверки удалось выявить скрытых преступлений? Миллион!

Успокаивает одно: руководство МВД СССР не намерено отныне скрывать ни огрехов, ни просчетов в своей работе. Пример в этом подал министр внутренних дел СССР генерал-лейтенант В. В. Бакатин, заявивший честно и нелицеприятно: «Можно смело утверждать, что уровень преступности в стране значительно выше, чем сегодня фиксирует статистика».

Из этого смелого признания просятся два вывода. Первый: искажение статистики объясняется не стремлением министерства утаить от нас правду, а несовершенством учета и подсчета содеянных в стране преступлений. Второй: наша с вами безопасность подвергается гораздо большей угрозе, чем можно было предположить из почерпнутой выше информации.

И дело даже не в том, что в минувшем году жертв преступных посягательств было гораздо больше, чем нам известно. Кстати, и первые месяцы нового года не снимают тревоги: в январе и феврале зарегистрировано на 75 тысяч преступлений больше, чем за то же время года восьмидесят восьмью. Но не это, повторяю, усугубляет нашу общую беду. Другое: только по линии уголовного розыска и следствия за прошлый год не раскрыто 463 тысячи преступлений. 1558 убийств остались неотмщенными — на свободе, среди нас с вами ходят те, кому давно надлежит по крайней мере сидеть за решеткой и колючей проволокой. А ведь ничто так не подталкивает убийцу на поиски новых жертв, как собственная неуловимость и безнаказанность за уже однажды содеянное: сошло с рук раз, сойдет и другой, и третий. Разве это не открытый вызов безопасности общества, личной защищенности каждого ее гражданина?

Предвижу вопрос, ставший в таких случаях неперменным: куда смотрит милиция? И почему столь плачевны результаты ее противостояния с преступным миром?

Отвечаю сразу: милиция болеет теми же болезнями, что и все наше общество, частицей которого она является. Ее полностью обновившееся руководство справедливо видит единственный путь возвращения доверия граждан в коренной перестройке всех направлений деятельности органов внутренних дел — нет недостатка в планах, программах, прогнозах. Понятно, что говорить о реальной их отдаче мы будем еще не скоро. А что же сейчас, сегодня, когда преступность перешла в наступление по всему фронту? По крайней мере два решающих фактора работают пока против нас. Первый — потеря профессионализма. Да и откуда ему быть, если каждый второй сотрудник уголовного розыска работает менее трех лет? Если только у половины сыщиков высшее специальное образование? Второй — синдром перестраховки. За восстановление законности взялись так рьяно, а борьбу с ее нарушителями повели столь круто, что не обошлись, как это мы умеем, без административных перегибов. К чему все это привело, мы уже видели в более чем красноречивых цифрах пусть и несовершенной, но все же официальной статистики. Впрочем, и без нее можно себе вообразить, каково сегодня служить в милиции — достаточно читать в газетах хронику происшествий или смотреть по телевизору ленинградские «600 секунд», редко обходящиеся без перестрелок и поножовщины.

Вот на этом-то тревожном фоне и продолжим начавшийся было разговор об опустении исправительно-трудовых колоний — легче, а стало быть, успешнее работается теперь сотрудникам? Но перед этим я хочу предупредить читателя, что вместо цифр, к которым он уже, видимо, привык, в моем лексиконе могут появиться такие выражения, как «примерно», «свыше», «около» и даже «по слухам». Объяснение тому простое: если милицейские главки первый шаг к гласности все же сделали, то ГУИД МВД СССР все еще секретничает. Вынужден напомнить,

что еще летом прошлого года я спрашивал со страниц «Огонька», сколько всего наших сограждан лишены свободы? Предвидя, что этот вопрос повиснет в воздухе, я просил назвать хотя бы две цифры: сколько в ИТК и ВТК содержится впервые судимых, а сколько — рецидивистов? Прошел почти год — ответа как не было, так и нет. Напрасно я искал эти таинственные цифры и в той статистике, которую главк предоставил в марте — нет их и там. Что это — государственная тайна, разглашение которой вызовет сумятицу в умах, подорвет устои и будет лить воду не на нашу мельницу? Видимо, так, потому что когда в том же марте состоялась встреча писателей и журналистов с работниками ГУИД и тот же вопрос задали заместителю начальника отдела В. А. Светлову, тот даже в лице изменился: «Я присягу давал! Присягу!» А если бы меня черт дернул спросить о количестве исправительно-трудовых учреждений в стране? Если бы поинтересовался, сколько из них общего режима, а сколько строгого? Надеюсь, понятно, что движет мною отнюдь не праздное любопытство. Знай мы этот расклад, поняли бы и общую тенденцию развития преступности: на «общаке», как в определенной среде выражаются, сидят впервые осужденные за менее тяжкие преступления, а на «строгаче» — рецидивисты. Так кого больше, тех или других? Не знаю. Как не знаю и того, насколько обеднел ГУИД после закрытия ряда колоний и сможет ли он удержаться на пятом месте среди промышленных министерств страны? Сто с лишним закрытых колоний — много это или мало? А сколько осужденных, ранее содержащихся в них, отправились в путь-дорогу и куда? И как эта миграция сказалась на состоянии режима, выполнении государственного плана и вообще на всем процессе перевоспитания в новой среде обитания? Не могу знать!

Достоверно известно лишь одно: в прошлом году осужденными совершено 3 тысячи 600 преступлений, в том числе 238 умышленных убийств, 437 тяжких телесных повреждений, 426 хулиганств, 245 сопротивлений представителям администрации, 66 случаев нападения на работников ИТУ и захвата заложников из их числа. Статистика эта не вызывает сомнений в справедливости того, о чем мы писали не раз: оперативная обстановка в ИТУ страны неблагоприятна, непредсказуема и взрывоопасна. Сидя на голодном информационном пайке, много ли я могу сказать о причинах этого бедствия? Только то, в чем убеждает меня мой собственный опыт работы в ИТУ: каждый случай неповиновения администрации, а тем более нападения на ее представителей вызван неправильными, непрофессиональными, а то и противозаконными действиями офицеров и прапорщиков. Прошу пока верить на слово: у меня есть чем подкрепить и доказать это утверждение. И ссылки на то, что после амнистий в колониях остались наиболее опасные преступники, чья психика уже непоправимо искалечена и неоднократно судимостями, и длительным сроком заключения, и господствующей еще вчера политикой зачинчивания гаек, только подтверждают мои давние опасения: ратующий и сейчас за ужесточение режима личный состав

ИТУ не готов пока ни к гуманизации, ни к демократизации процесса воспитания. А без этих неперенных слагаемых о какой перестройке можно вести речь, на какие перемены надеяться?

Как ни очевиден этот вывод — и в главке, на местах его продолжают оспаривать, искать причины неблагополучия не в стенах колоний и следственных изоляторов, а за их пределами. Ну, например, почему бы не возложить вину за обострение обстановки в ИТУ на журналистов — разве после их писаний не лихорадит то одну, то другую, то третью зону?

Впрочем, вот запись моего телефонного разговора с первым заместителем начальника ГУИД МВД СССР генерал-майором внутренней службы П. Г. Мищенковым — он состоялся в начале марта. Дерзнул я тогда попросить о беседе по вопросам, связанным с закрытием ряда ИТУ. Первая же моя фраза едва не стала последней — она повергла моего высокого собеседника в такое негодование, что я не рискую цитировать его дословно, а перескажу суть услышанного. Прежде всего Петр Григорьевич напомнил мне, что колонии закрывает главк, а не журнал «Огонек», который лезет явно не в свое дело. Затем я узнал, что такими статьями, как «Беспредел» и «Лесопопал», мы намеренно осложнили обстановку в ИТУ, посеяли семена раздора между осужденными и администрацией. В итоге вместо испрошенного интервью я получил сокрушительную генеральскую выволочку, которая мне так хорошо знакома по годам бывшей службы и о которой я так неосмотрительно стал забывать сейчас.

Впрочем, об этом телефонном разговоре я, пожалуй, и не вспоминаю бы, если бы не увидел его прямой связи с еще одним взрывом читательского негодования. На этот раз — на страницах ежемесячного журнала «Воспитание и правопорядок», издаваемого МВД СССР для сотрудников ИТУ. В мартовском номере, как и предполагается, слово предоставлено женщинам в офицерских погонах. Послушаем, что волнует майора внутренней службы А. Сорокину, помощника начальника учреждения по политико-воспитательной работе с личным составом: «...беспокоит падение престижности профессии сотрудника органов внутренних дел, чему в немалой степени способствует и пресса. Многие мои коллеги говорят о завышенно критическом отношении прессы, радио, телевидения к органам, исполняющим наказание. Я с ними согласна. Критика — вещь необходимая. Однако она не должна превращаться в охаивание. Тем более что в погоне за сиюминутной сенсацией журналисты порой не понимают, что наносят вред делу укрепления правопорядка, исправления и перевоспитания осужденных. Выражая свое личное мнение, скажу, что статьи типа «Беспредел» и «Лесопопал» искажают действительность, поскольку односторонне отражают проблемы ИТУ. Понятно, нам, людям, посвятившим жизнь борьбе с беззаконием, исправлению и перевоспитанию правонарушителей, обидно и больно читать такие опусы. Ка-

кую цель преследуют их авторы? Не сводят ли с системой МВД какие-то свои личные счета?»

Такую оценку печатного слова, такие обвинения в адрес журналистов, такие прозрачные намеки и подозрения были бы понятны и уместны и пять, и двадцать, и пятьдесят лет назад, когда именно «письма с мест» довершали погром любого инакомыслия. Но сегодня-то, когда мы так дружно ратуем за перестройку и гласность, — зачем?

Пусть мой вопрос останется без ответа — и у майора внутренней службы Сорокиной, и у тысяч ее товарищей по службе должны быть другие заботы, другие цели, чем никчемные поиски правых и виноватых. Не проникнемся ими, не отдадим службе и только службе весь свой профессионализм, всю энергию души, свое личное желание добиться перемен — и будем еще долго разводить руками при продолжающемся разгуле преступности и росте рецидива. Поэтому поймем главное: ни на ссоры, ни на раздумья, ни на раскачку просто нет ни времени, ни морального на то права. Слишком тревожна и очевидна угроза, что бы мыслить и поступать иначе.

ЗАЛОЖНИКИ

«1 декабря 1988 года, примерно в 15 часов 30 минут, в городе Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР вооруженной группой был захвачен автобус, в котором находились 31 учащийся 4-го «Г» класса средней школы № 42, их учительница и водитель.

Преступники объявили, что пассажиры взяты ими в качестве заложников, и, угрожая убить их, выдвинули ряд ультимативных требований, в том числе о вручении им трех миллионов в иностранной валюте и золотом, а также предоставлении самолета для полета за пределы СССР. 2 декабря их требования были удовлетворены, и преступники на захваченном с применением насилия самолете вылетели в Государство Израиль. 3 декабря все участники вооруженной группы были выданы Советскому Союзу израильскими властями».

Действующие лица и исполнители.

Как только это сообщение передали для печати, даже непосвященным стало ясно, что на земле и в воздухе происходила драма. Думается, эпитеты к ней не нужны, хотя и просятся: невероятная, жестокая, человеческая. Или, наоборот, бесчеловечная. Как и во всякой драме, в этой тоже были свои пролог, кульминация и эпилог. Присутствовали действующие лица и исполнители. Одни — выполняли свои преступные замыслы, другие — свой служебный, гражданский и нравственный долг.

Чтобы последующий мой рассказ не спотыкался об уточнения, снижающие его напряженность, с действующими в нем лицами знакомлю сразу.

Шереметьев Евгений Григорьевич, 40 лет, образование высшее, женат, имеет двоих детей. Полковник Управления государственной безопасности по Ставропольскому краю.

Ефимова (по настоящему делу — Дзагоева) Наталья Владимировна, образование среднее специальное, не замужем. Учительница начальных классов средней школы № 42 г. Орджоникидзе.

Якшиянц Павел Леонович, 39 лет, образование среднее, ранее работал водителем автобуса автоколонны г. Орджоникидзе, разведен, от двух браков имеет двоих детей. Трижды судим, в последний раз — за вооруженное нападение.

Муравлев Владимир Александрович, 27 лет, образование среднее, холост, с июля 1988 года не работает. Дважды судим.

Вишняков Герман Львович, 23 лет, образование среднее, холост, с февраля 1988 года не работает. Ранее не судим.

Анастасов Владимир Робертович, 26 лет, образование среднее, ранее работал бетонщиком СМУ «Кававтострой», женат. Ранее не судим.

Джафаров Тофий Джафарович, 28 лет, образование среднее, разведен, имеет двоих детей, ранее работал водителем автоколонны производственно-технического управления связи. Не судим.

Школьники 4-го «Г» класса — 31 ребенок, официальные представители СССР и Государства Израиль, сотрудники КГБ и МВД, службы безопасности Израиля, Министерства гражданской авиации СССР, Внешторгбанка, пилоты самолетов ИЛ-76-М, ТУ-154, израильских истребителей-перехватчиков Ф-15, наземный персонал аэропортов Минеральные Воды, Шереметьево-1 (Москва), Бен-Гурион (Тель-Авив). Пожарные, врачи, спасатели, водители автомобилей.

Добрые люди в нашей стране и за рубежом.

г. Орджоникидзе, 1 декабря. День.

В 16 часов 30 минут на улице Пушкинской у здания обкома партии громыхнул выстрел. Позже, когда материалы обо всей этой драме буквально захлестнули газеты, во многих из них я читал одну и ту же фразу: «Бой без выстрелов». Но это неправда или, с учетом суматохи тех дней, ошибка: выстрел, как я уже сказал, был. И вспоминаю я об этом потому, что это был первый и последний выстрел в поединке, все участники которого были вооружены. Это главное.

И еще: Якшиянц нажал на спуск обрез случайно, он уже крепко психовал тогда, руки дрожали, и пуля лишь чудом только царапнула водителя «Жигулей» Бирко. Случайность выстрела подтвердили и предварительное, и судебное следствие. Якшиянцу тогда пальба была ни к чему. Ему нужно было только одно — остановить эти «Жигули» и передать с водителем ультиматум властям. Что Бирко, оправившись от потрясения, и сделал незамедлительно — обком партии, как уже было сказано, находился рядом.

Тотчас же к месту происшествия поспешила оперативная группа Ленинского РОВД, которую возглавил заместитель министра внутрен-

них дел автономной республики полковник милиции Теймураз Батагов. Он и его спутники увидели неподвижно стоящий на улице серо-зеленый автобус «ЛАЗ». Его окна были зашторены, а сквозь форточку дергалось дуло обрез.

— Не подходить! — прокричали из автобуса. — Будем стрелять! Для переговоров — рацию!

— Иди к ним, — сказал Батагов начальнику райотдела Хуадонову. — Пистолет оставь. А рацию возьми, отдай.

Это первое решение все еще ничего не знавших властей было не просто правильным. Оно было мудрым, оно рождало надежды.

Хуадонов вернулся быстро. Он был бледен, в глазах — ужас. — Там дети, — сказал Хуадонов. — Много детей. И пахнет бензином. Кто их там держит — не видел.

Зашипела рация, Батагов назвал себя и услышал:

— Запоминай, полковник. Я Паша Якшиянц. Проверишь потом — имею три «ходки» в зону, последний раз сидел в Андижане. Понял, с кем имеешь дело? Здесь со мной много таких. У нас — заложники. Тридцать один школьник, их учительница и водитель. В салоне — бутылки с бензином, взрывчатка, оружие. Требуем: предоставить большой самолет и отвезти меня с ребятами за кордон. В ту страну, где нет нашего посольства. И два миллиона долларов. Плюс миллион золотом. На размышление — сорок минут. Время пошло!

Пока Батагов докладывает о случившемся руководителям республики, а те связываются со Ставрополем и с Москвой, у нас есть время рассказать то, о чем в этих докладах пока не сообщалось.

Все утро и половину этого дня Якшиянца, Муравлева, Вишнякова и Анастасова преследовали неудачи. Зачем же тогда недели, месяцы слушали и обсуждали они план Якшиянца, в котором, казалось, все было предусмотрено до мелочей: и как угонят они автобус, и как заманят туда детей, а потом уж власти сделают все, что им прикажут. Принесут много денег в валюте, дадут самолет и — прощай Союз со своими ментами, тюрягами, работой, которая только дураков любит. А они теперь не дураки — у них есть Паша, который и придумал самое главное: захватить какие на глаза попадутся детей, а с ними уже и бояться некого, не посмеют.

И вот на тебе — первый сюрприз: пятый из их группы мужик — Джафаров взял да и взбрындил. Ни денег, мол, мне не надо, ни заграницы. Хорошо, хоть патроны к обрезу дал, ножик путевый да поклялся молчать до гроба. Ладно, плюнули на этого Тофика, пошли искать автобус. Пять машин облазили — то бензина в них нет, то не заводятся, окаянные! Ну, бесхозяйственность, крыл такие порядки Паша, ну лодыри все поголовно — поди, похалтурь так на Западе!

Наконец повезло — влетели в пустой автобус, сунули водителю обрез под нос, поехали! У областной типографии снова удача — целая ора-

ва школьников. И учительница — хорошенькая, глаза ласковые, улыбается. Паша тут был на высоте, показал девочке путевку, а эта дура поверила, подождала, пока детишки влезут в автобус; а потом и сама вошла, последней. Тут ей Паша и объяснил все популярно и доходчиво: вот, девочка, спички, а вот — бензин, чиркну — и будешь гореть со своими пацанами и пацанками синим пламенем. Или красным, один черт.

Подействовало — прав был Паша, когда о детях говорил. Сказала, что зовут ее Наташей, что ни мужа, ни детей нет, а потом села писать ультиматум. Опять, считай, повезло: не дура, не психопатка им попала, даже детей успокоила, сидят тихо, не пикнут.

Страны, куда им хотелось лететь, Якшиянц выбрал такие: Пакистан, Израиль, ЮАР. Голова!

Да, еще одно условие: отпустить из тюрьмы и доставить к автобусу старого Пашиного дружка — Кривоносова.

И стали ждать ответа.

Орджоникидзе. 1—2 декабря. Поздний вечер. Ночь.

Переговоры по рации:

— Аэропорт в Орджоникидзе работает на посадку, и взлет только днем. Круглосуточно — в Минводах. Едешь?

— С условием — принеси «колеса».

— Будут тебе таблетки. Но вместе с ними ты возьмешь теплые вещи для детей.

— Лады. Несите.

Сквозь приоткрытое окно автобуса бандитам передали несколько упаковок лекарств, которые они могли использовать как наркотики, и, самое главное, детские курточки, свитера, одеяла. Собрать все это было просто: на соседних улицах уже стояли десятки отцов, матерей, бабушек и дедушек томящихся в захваченном автобусе ребятишек.

Около восьми часов вечера вереница машин двинулась в неблизкую дорогу: «ЛАЗ» с бандитами и их заложниками, «Волги» с офицерами милиции и госбезопасности, патрули ГАИ с включенными мигалками. А следом за ними — десятки автомобилей с едущими в тревожную неизвестность родственниками детей, ставших заложниками.

Около следственного изолятора Якшиянц остановил автобус — не забыли его требование освободить находящегося в заключении Кривоносова? Прокурор республики сообщил осужденному о заботе его дружков и кивнул головой на выход: свободен! И вот тут-то Кривоносов буквально взвился: не пойду, и точка. Ему протянули рацию: скажи Якшиянцу об этом сам, иначе не поверит.

Нет более тяжкого для уголовника оскорбления, чем то, которое выпалил в микрофон Кривоносов для своего недавнего дружка:

— Козлы позорные! — завопил он. — У вас что — крыша поехала? Давай ко мне в камеру — легче будет.

Хоть и огорчился Якшиянц от такого отлупа, но слово сдержал — одного ребенка велел выпустить. Как потом вспоминала Наташа

Ефимова, ребята посоветовались и решили, что первой на волю выйдет самая маленькая — Ивелина Чебакаури.

А все остальные продолжили путь. Только к четырем часам утра караван машин подъехал к аэропорту Минвод и, остановившись, пропустил на взлетное поле только автобус с заложниками.

Аэропорт «Шереметьево-1». 1—2 декабря. Вечер. Ночь.

Тяжелому транспортному самолету ИЛ-76 Т (бортовой номер 76519) в ночь с первого на второе декабря предстоял обычный рейс с обычным грузом — в Дели.

Экипаж прибыл в «Шереметьево-1» вовремя, но до самолета не дошел: у выхода на взлетное поле их ждал заместитель генерального директора Центрального управления международных воздушных сообщений МГА Г. М. Приходченко.

— Рейс в Дели отменяется, — сказал Геннадий Михайлович. — Срочно летите в Минводы. Потом — то ли на Ближний Восток, то ли в Африку.

— Конкретнее нельзя? — спросил командир корабля А. Божков, впервые услышавший о более чем странном полетном задании.

— Ребята, — сказал Приходченко, — я и сам не знаю, честное слово! Ясно одно: срочно в Минводы.

В дальнейшем мы еще не раз встретимся с экипажем самолета ИЛ-76 Т, поэтому познакомимся с каждым: командир корабля А. Божков, 2-й пилот А. Гончаров, штурман А. Грибалец, бортинженер Ю. Ермилов, бортрадист А. Горлов, бортоператоры Б. Ходусов, В. Алпатов. Руководил этим необычным рейсом заместитель командира авиаэскадрильи А. Балашов.

В 0 часов 45 минут борт 76519 взял курс на аэропорт Минеральные Воды.

Наступило утро 2 декабря. Десятый час заложниками террористов были дети и их учительница.

Аэропорт Минводы. 2 декабря. Ночь. День.

С наступлением сумерек аэропорт в Минводах был окружен плотным кольцом подразделений внутренних войск и милиции. В полной боевой готовности были группы захвата, снайперы. Еще до прибытия автобуса с заложниками сюда же прилетели из Москвы ответственные сотрудники КГБ и МВД СССР, их коллеги из Ставрополя. Надеюсь, никто из них не будет обижен, если из многих десятков опытных специалистов я назову лишь одного: полковника госбезопасности Шереметьева Евгения Григорьевича. Во всяком случае, когда зашла речь о выделении своего рода связного для контактов с бандитами, едва ли не каждый из них назвал одну и ту же фамилию: Шереметьев.

— Условие одно, — сказал Шереметьев, — что бы со мной ни случилось, огня не открывать, к автобусу не приближаться. Потом он снял каску, бронежилет, отстегнул кобуру с пистолетом и набросил на себя лег-

кий плащ. Пуговицы не застегивал — пусть убедятся, что оружия у него нет. Затем взял два бронежилета, которые по рации потребовал Якшиянц, и медленно пошел к автобусу. Открылась половина двери, Шереметьев бросил в салон жилеты, а Якшиянц выпустил двоих детей. Сколько раз полковник ходил к автобусу, он и сам помнит с трудом, но подсчитать можно: за каждый бронежилет, за каждый автомат, пистолет, пару наручников или упаковку наркотиков бандиты отпускали по одному ребенку.

Когда в автобусе осталось одиннадцать детей, Шереметьев сказал: — На полосе — два самолета: ИЛ-76 Т и ТУ-154 — выбирайте любой. Правительство СССР согласилось выпустить вас из страны, а правительство Израиля — принять. Вы же должны выпустить всех детей, учительницу и по-прежнему обходиться без выстрелов. Мы обещаем то же. Это слово чекиста.

Все думаю: почему оружий, дергающийся, искаженный злобой Якшиянц хоть и тыкал в лицо Шереметьева то обрез, то пистолет, но ни разу не сорвался на непоправимое, хоть и капризно, но выполнял условия соглашения с властями? Почему сначала запрещал, а потом позволял чекисту и ходить по автобусу, и утешать детей, и разговаривать с другими бандитами?

Давайте послушаем, как месяц спустя после драмы, не ставшей трагедией, Наташа Ефимова говорит о Шереметьеве:

— Когда он вошел в автобус, словно чудо какое-то случилось. Я плакала и вдруг стала улыбаться. Дети уже и вовсе были измучены, а тут вот тоже начали улыбаться, и вообще приободрились. А эти, четверо, смотря на него исподлобья, но не перебивают, слушают. Даже Якшиянц и тот немного поутих. За всю мою жизнь я даже в кино не видела таких добрых, таких смелых, таких душевных людей, как Евгений Григорьевич. Если бы не он...

А вот слова Якшиянца, которым в данном случае можно верить — никто его за язык не тянул, выгод эта искренность ему не сулила:

— Если бы хоть раз мне попался такой следователь, такой воспитатель в зоне, как Шереметьев, ни второй, ни третьей судимости у меня бы не было. И таким скотом я бы тоже не был.

Но все это было потом, а пока, 2 декабря, предстояло самое трудное, в благополучном исходе которого сомневался и сам Шереметьев: вызволить наконец у бандитов оставшихся одиннадцать детей, их учительницу, а саму эту банду поскорее отправить вон из страны.

Тель-Авив, 2 декабря. Ночь.

Глубокой ночью 2 декабря в одном из номеров отеля «Ромада-Континенталь» в Тель-Авиве зазвонил телефон. Трубку снял руководитель советской консульской группы, временно работающей в Израиле, Мартиросов.

— Георгий Иванович, — услышал он голос одного из руководителей МИД СССР, — к вам вылетает самолет с заложниками. На борту — во-

оруженные преступники. Свяжитесь с властями, попросите о содействии.

Опытный дипломат, Мартиросов сразу понял, почему Москва пользовалась открытой телефонной связью — намеренная «утечка» информации непременно заинтересует кое-кого в Израиле. И пока он раздумывал, стоит ли дожидаться утра, чтобы начать действовать, буквально сразу раздался еще один звонок — говорил исполняющий обязанности генерального директора МИД Израиля Ануг. Он не тратил лишних слов: самолет будет принят, с террористами поступят в соответствии с нормами международного права. ВВС Израиля и аэропорт Бен-Гурион приводятся в состояние повышенной готовности.

У Мартиросова слегка отлегло от сердца — летите, голуби, летите...

Минводы, 2 декабря. День.

Когда пришло время переходить в самолет, Якшиянц и вовсе осатанел: он был уверен, что именно там — ловушка. Когда автобус почти вплотную подъехал к трапу, главарь крепко ухватил Шереметьева за плечи и, прикрываясь им, подошел к экипажу. Каждого обыскал, каждому вывернул руки назад и защелкнул наручники. Потом по его приказу Муравлев поднялся в салон, тщательно осмотрел и его, и кабину пилотов, и кухню, и туалеты — ничего подозрительного. Анастасов заорал в автобус: выходи по двое! Живей!

После почти суточного плена дети едва стояли на ногах, шли медленно, и Анастасов с Вишняковым, матерясь, подталкивали их в спину прикладами автоматов. И бортрадист Горлов не выдержал, заплакал от собственного и его товарищей бессилия.

Когда все вошли в самолет, Якшиянц заорал: где деньги? И, ткнув Шереметьеву пистолет в лицо, разбил в кровь его губы.

— Отпустишь детей — будут деньги, — спокойно сказал Шереметьев. — А если нужна тебе кровь, стреляй в меня — вот сюда, в сердце.

Тогда Якшиянц выдвинул новое требование: доставить в самолет его бывшую жену Тамару Фотаки и любимую овчарку. Выполнили и это условие, доставили. Все, кто был тогда в самолете, в один голос говорят: страшнее минут не случилось. Бандиты, изрядно накачавшись наркотиками, метались по салону, передергивали затворы автоматов, бросали их и хватались за пистолеты, дети уже плакали навзрыд, а Фотаки орала своему бывшему мужу: зверь, палач, ненавижу! Шереметьева посадили на пол, велели заложить руки за голову, кто-то приставил к его затылку автомат. Потом Фотаки ответила Якшиянцу в конце салона, они сначала шептались, потом орали друг на друга, но в конце концов Шереметьев услышал от главаря долгожданное: быть по-твоему, пусть пацаны уходят вместе с Наташей. Зато ты, полковник, теперь заложник. И Тамара в заложниках, и все восемь летчиков. Только взглядом попрощался Шереметьев с детьми, только шептал разбитыми губами: один, второй, пятый, десятый, одиннадцатый ребенок ступил уже на трап. Последней — Наташа. Шереметьев прислонился головой к стенке салона и прикрыл гла-

за — теперь ему было все равно: заложник так заложник, убьют так убьют.

— Стрельну, выброшу тебя на бетонку — враз «бабки» принесут, — пригрозил Якшиянц.

И тут же в открытую дверь стали влетать мешки с госбанковскими штемпелями — один, второй, третий. Дверь самолета захлопнулась, потом Якшиянц снова открыл ее и подтолкнул к выходу Шереметьева. Трапа уже не было, и Евгений Григорьевич рухнул вниз. Но не на жесткую бетонку полосы, а на руки товарищей.

Пилоты, с которых уже сняли наручники, разогрели двигатели, получили «добро» диспетчера и начали рулежку на взлет.

В 15 часов 30 минут самолет Аэрофлота ИЛ-76 Т оторвался от советской земли и взял курс на Тель-Авив.

С момента захвата детей и начала операции «Гром» прошли ровно сутки. Гром, как видим, не грянул. Пока.

Аэропорт Бен-Гурион, 2 декабря. Вечер.

Когда пролетали над Средиземным морем, командир увидел израильские истребители-перехватчики Ф-15. И услышал в наушниках голос пилота одного из них:

— Шалом! Мы поведем вас! Если надо — поможем. Все будет о'кей!

Аэропорт Бен-Гурион, что в двадцати километрах от Тель-Авива, был уже готов к прилету незваных гостей. Наготове стояли машины «Скорой помощи», фургоны с реанимационной аппаратурой, передвижные станции первой помощи, а на всем протяжении посадочной полосы выстроились пожарные и полицейские автомобили. С автоматами наизготовку, в шлемах и бронежилетах ждали террористов специально обученные отряды коммандос. В аэропорт прибыли министр обороны Израиля Ицхак Рабин, ответственные сотрудники МИДа. Ждали самолет и советские консульские работники. Около шести часов вечера по местному времени ИЛ-76 Т мягко совершил посадку. В наступившей темноте его высвечивали десятки мощных прожекторов.

Дверь открылась, Якшиянц попробовал было высунуться наружу и даже помахать приветственно рукой, но тут же едва не был сбит с ног врывающимися в салон солдатами и полицейскими.

— Лицом к стене! Руки за голову! Не двигаться!

В спину каждого из бандитов уперлись дула автоматов.

— А это и правда Израиль? — не поверил Якшиянц.

Ему ткнули под нос удостоверение с шестиконечной звездой.

— По одному — вниз! Иначе — стреляем! Пошел!

Не без удивления смотрели собравшиеся в аэропорту на четырех бесконечно кланяющихся, похаживающих от свалившегося на них счастья иностранцев — и это террористы, державшие в напряжении сотни людей в двух странах? Еще больше они поразились, когда услышали,

как Якшиянц на полном серьезе при всем народе предлагает министру обороны половину украденного в обмен на «хорошее отношение».

Дальнейшие переговоры прервали дюжие полисмены, сковавшие руки бандитов наручниками и запихнувшие их в фургоны с решетками.

А через несколько минут за каждым из них захлопнулись двери одиночных камер в тюрьме Абу-Кабир.

И уже не могли они знать, что тотчас же в Москву, в Министерство иностранных дел, была передана телеграмма, согласованная с руководством МИД Израиля. Вот ее текст: «Израильская сторона готова обеспечить вылет самолета с экипажем в любое время. Израильская сторона готова интернировать угонщиков в любое время. Если советская сторона считает целесообразным возврат угонщиков этим самолетом, то могут быть рассмотрены следующие варианты: 1) Прибытие в Израиль из СССР советской группы сопровождения. 2) Сопровождение угонщиков израильской спецгруппой до соответствующего пункта посадки, например, на Кипре, с заменой там на советскую группу сопровождения».

3 декабря в Тель-Авив прибыла состоявшая из сотрудников КГБ спецгруппа, которой немедленно были выданы и террористы, и украденные ими миллионы, и оружие. 3 декабря в 22 часа 21 минуту ИЛ-76 Т с двумя бандитами на борту вылетел из аэропорта Бен-Гурион курсом на Москву. Почти следом за ним взмыл в воздух и самолет ТУ-154 — в нем под стражей находились остальные.

Операция «Гром» закончилась.

Кто последний?

Угонов самолетов и попыток сделать это у нас, увы, немало. И финал их, как правило, горестный — вспомним хотя бы многолетней давности гибель бортпроводницы Нади Курченко и совсем близкий по времени угон самолета ТУ-154 семейством Овечкиных, когда головоуны и профессиональное невежество группы захвата обернулись и сожжением судна, и самоубийством бандитов, и множеством покалеченных «спасителями» пассажиров.

Поэтому исход операции «Гром» в этом смысле уникален и поучителен. Это первый случай, когда власти и представляющие их должностные лица сделали то, что уже давно делается в подобных ситуациях в большинстве стран, — беспрекословно выполнили все, даже самые безумные требования угонщиков, и не дали эмоциям возобладавать над профессиональным расчетом и моральной ответственностью за судьбы заложников.

Собственно говоря, сами террористы заложниками и являются: своей жадности к деньгам, своей тяги к наркотикам и безделью, своей тупой убежденности в том, что где-то там, за морями и долами, есть еще страна, которая откроет объятия бежавшим из СССР уголовникам. Думаю, что именно они и будут теми последними дураками, кто еще ве-

рит в такую дичь: ни одна страна, как бы мы с ней ни ссорились, не обласкает воздушных пиратов.

Не забудем и то, что, несмотря на значительно большее, чем у нас, количество угонов самолетов на Западе, только в СССР террористы используют воздушный лайнер для выезда из страны. Ни у кого из отечественных бандитов никогда не было ни политических, ни религиозных мотивов, только одно: пересечь границу. Почему не дать им сделать это легально, купив билет в кассе Аэрофлота? Почему мы до сих пор с таким упорством отстаиваем запреты, которые не позволяют лодырю, неучу, наркоману и уголовнику катиться из нашей страны на все четыре стороны? А ведь есть такие охотники к перемене мест с помощью Аэрофлота, летать самолетами которого «надежно, выгодно, удобно» — только в прошлом году в аэропортах страны было изъято более 250 стволов огнестрельного оружия, 86177 единиц — холодного, 411 килограммов взрывчатки. Так, может, действительно проще позволить таким без царя в голове путешественникам проходить в самолеты заграничии не с помощью обреза или толовой шашки, а предъявив выправленные по всей форме документы?

И последнее. Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР вынесла по делу Якшиянца и компании приговор, о котором, пожалуй, знают все — недостатка в информации здесь не было и в помине. Равно как и в убежденности и непредвзятости и предварительного, и судебного следствия. Но вот что тревожит: из 15 лет лишения свободы Якшиянец должен провести в тюрьме весь срок, Муравлев из 14 лет просидит в такой же тюрьме все 10, а Вишняков и Анастасов из такого же срока заключения по пять лет тоже проведут за решеткой камеры.

Да простит меня высокий суд, но я убежден, что при назначении таких неслыханных мною ранее сроков заточения он перешагнул ту невидимую грань, которая отделяет неотвратимость и суровость наказания от неоправданной жестокости. Подчеркиваю: мною движет сейчас не жалость, не милосердие даже — здравый смысл. Тюрьма — это не только тесное пространство многолюдной камеры, не только засовы на дверях и окна, доверху забранные решетками «под козырек». Тюрьма — это дни, месяцы, годы отупляющего безделья, изоляции не только от общества, но и от родных и близких. Попади эти четверо в ИТК даже с самым суровым режимом, они будут работать, зарабатывать деньги и, помимо своего желания, отправлять их на содержание детей или выплату астрономического по сумме иска. А при этом приговоре преступники, чья вина, повторяю, бесспорна, на долгие годы останутся заложниками нашей далеко не безупречной исправительно-трудовой системы, которая в условиях тюремного заключения не гарантирует преступнику ни труда, ни исправления. Услышав приговор, Наташа Ефимова взглянула на своих недавних мучителей и закрыла лицо руками. В дуло обреза она смотрела, не отводя глаз. А тут не смогла.

«Я НЕ ПРОЩАЮ, ПОМНЯ О БЫЛОМ...»

Когда мы узнаем о погибшем, первая мысль: кто преступник?
Найти и обезвредить!

Сегодня названы имена сотен жертв сталинщины. Остальные упомянуты цифрой — миллионной. Мартиролог тот бесконечен — без вины виноватые мученики все еще возвращаются к нам. Наше внимание к каждому новому имени, вырванному из забвения, огромно и понятно.

А к палачам? К тем, кто врывался по ночам в дома обреченных? Кто пинками запихивал их в «черные марушки»? Кто коваными казенными сапогами — в почки, в печень, поддых? Кто оскорблял, плел небылицы, пытками выколачивал признания? Кто расстреливал, гнал по этапам, морил голодом?

Сталин, Берия, Ежов, Ягода — вот, пожалуй, и вся персонификация зла в народном сознании. Если бы так! Полноте, у каждого из миллионов погибших был свой доносчик, свой следователь, свой конвоир, свой надзиратель в тюрьме, свой опер в лагере.

Это сколько же мы насчитаем несложным методом умножения? С умножением, впрочем, пока потерпим — судя по последним публикациям, бегло упомянуто два-три десятка карателей. Но еще и фамилии их не были названы, еще только мысль шевельнулась о палачах и жертвах, как зазвучали сомнения: а стоит ли? Не нагромоздим ли мы в жажде отмщения зло на зло, не начнем ли недостойную нас охоту за ведьмами? А от сомнений стали переходить едва ли не к оправданию губителей. Они и исполнители злой воли тирана, и даже «винтики», которыми вертели не менее злые силы. Они к тому же уже в годах, отягощены немощами и, возможно, раскаянием — пусть их!

Поспешу с оговорками и я, тем самым успокоив возможных оппонентов. С одним соглашусь сразу: око за око мне тоже не по душе, и новых судилищ нам тоже не надо — бывших было предостаточно. Но что уж касается благих надежд и предположений о подневольности труда под водительством сталинских наркомов, а посему и вынужденной покорности рядовых исполнителей — это либо от невежества, либо от наивности. Равно как и домыслы об их сегодняшнем покаянии.

Я расскажу всего лишь о двоих из множества «бывших».

...Лет десять назад случилось мне отлеживаться после воспаления легких в Центральной больнице МВД СССР. Там одна терапия, больные в большинстве своем ходячие, удобства и еда почти санаторные. Поэтому больницу в отличие от госпиталя обожают пенсионеры — и подлечиться можно, и отдохнуть от домашних, и расходов никаких. В то время в центре внимания исцеляющихся находился генерал-лейтенант Лычков — фамилию я его изменил по причине недавней его смерти. В первые мои больничные дни я относился к нему без достаточного пи-

етета и сиделки с его присутствием не посещал, пока сосед по палате не развеял мою темноту:

— Так это ж сам Лычков! Товарища Сталина видел, как я тебя! — понизил голос, — Берию. Большой человек! А рассказывает!

Однажды я пристроился к процессии, которая сопровождала генерала на утренний моцион. Вклинился я как раз к изюминке его очередного рассказа:

— Вызывает меня однажды товарищ Сталин. Вхожу в кабинет, а коленки уже дрожат. Смотрю — никого. Тут меня вообще кондрат начинает бить. И тут слышу...

— Лычков! — раздался вдруг из окна второго этажа голос санитарки. — Мочу кто сдавать будет?

Процессия остановилась. Лычков побагровел.

— Прям сейчас! — гаркнул он оскорбительнице. Ничто так не огорчает рассказчика, как такая вот заковыка. Да еще в таком месте повествования: он о товарище Сталине, а ему про мочу! Лычков сатанел.

— «Лычков, мочу подавай!» — передразнил он санитарку. — Раньше, между прочим, Лычков — звучало! Да вот, случай, приносят мне список... разных там... привлеченных. Каждому — высшая мера, каждый — с помилованием. Беру красный карандаш, накладываю: «Отказать! В исполнении!» И подпись: «Лычков»!

Он сразу успокоился, даже лицом подобрел.

Можно вообразить генерала раскאיвающимся?

Возьмем фигуру масштабом поменьше. В конце шестидесятых годов приехал я в командировку в поселок Ерцево Архангельской области. Удалось найти и кое-кого из бывших работников лагеря. Настроение было у многих из них в те дни доброе, даже приподнятое: Хрущева доконал «преклонный возраст и ухудшение состояния здоровья», прекратились раздражавшие разговоры о культе, о нарушениях соцзакононости, репрессиях и реабилитациях, перестали тягать для «разборок» на парткомиссии. А тут уж совсем именины сердца: попечитель тогдашней науки Трапезников стал утверждать, что культ личности — понятие едва не мистическое, а потому вроде и не существовавшее вовсе.

Снизошедшая на этих бывших сотрудников лагеря благодать сделала едва ли не каждого из них словоохотливым с гостем, тянуло их на воспоминания. И случаи из той, былой жизни вспоминались, с их точки зрения, для них безобидные, вроде бы трагикомические. Ну, например, как в конце сорок первого года упек один опер строптивного зека в барак усиленного режима, а тут как снег на голову примчались из Москвы два чина из самого НКВД и требуют этого зека к себе. Тот входит, а москвичи — в струнку: «Товарищ генерал, ознакомьтесь с документом и пожалуйста переодевайтесь». И вынимают из чемодана генеральский мундир с тремя звездами на петлицах, галифе с лампасами, сапоги «шевро» и папаху с красным верхом. И десяти минут не прошло, как перед бывшим

зеком тянется во фрунт сам начальник лагеря, потому как сам всего лишь полковник — субординация.

Или еще случай — из уст того же опера.

— Как-то приходит ко мне один заключенный. Просит: мне бы взглянуть в том Ленина, не помню уже какой. Зачем, спрашиваю? А там, говорит, обо мне лично. А что же, спрашиваю, о тебе там сказано? Ладно, повел его в нашу библиотеку, вот тебе полное собрание, смотри. Нашел он нужный том, открыл. Читаю: Ленин говорит о Фрице Платтене. Спрашиваю: а ты кто? Докладывает: заключенный Платтен Фриц, статья пятьдесят восемь.

Такой вот рассказ ветерана. Все думаю: этому бы оперу, тому бы больничному генералу скрыться от глаз людских долой, на край земли уйти бы, набрать в рот воды да помалкивать до гробовой доски о своем былом. Так нет же, все наоборот! Какой же тут стыд, какое раскаяние? Нет и более понятного для них чувства страха, опасения перед вопросом своих сограждан: а так ли уж вы безгрешны, вчерашние распорядители наших судеб?

И почему только сейчас из публикаций «Огонька» узнаем мы о том, что, оказывается, еще накануне XX съезда были судимы наиболее одиозные фигуры из бериевского окружения — Шварцман, Родос и другие палачи по призванию? Может быть, предав тогда же гласности долгожданные и справедливые эти процессы, мы бы не встречали десятилетия спустя таких разговоровых и покойных душой людей, как те двое? Только сейчас, только сегодня из некоторых публикаций всплывают мельком оброненные жертвами или свидетелями имена истязателей из сталинских зондеркоманд. Эта скороговорка лично у меня вызывает вопросы.

Кто такая старший лейтенант госбезопасности Аршатская — она арестовывала и сопровождала на допросы к Берии секретаря ЦК ВЛКСМ Пикину? Что с ней? Каков ее послужной список в небезызвестном ведомстве? Кто те двое, кто водил на расстрел к оврагу вдову Н. И. Бухарина? Какие нелюди истязали троих школьников — Бориса, Владика, Сусанну, о которых в «Юности» рассказал В. Амлинский? Что еще успели натворить наркомвнудельцы Анисимов и Аппельбаум, арестовавшие мужа Веры Пановой? Привлечены ли к судебной ответственности члены Военной коллегии Верховного Суда СССР Кандыбин и Буканов, скреплявшие своими подписями сотни смертных приговоров? А следователи НКВД Кузьминов, Воронин, Шипков, Сериков, угробившие Мейерхольда, Бабеля, Кольцова? Их коллеги по ремеслу Иванов, Райцес, Родованский, на руках которых не в переносном, а в прямом, доподлинном смысле кровь десятков крупных военачальников и даже их жен, расстрелянных после истязаний в октябре сорок первого года? Внимательный читатель уже встречал эти зловещие имена в ряде последних публикаций. Было бы глупо спрашивать у оставшихся в живых жертв

имена и отчества их мучителей, их должности, специальные звания, партийность и год рождения. Но исследователям — как журналистам, так и историкам, допущенным наконец в запретные ранее архивы, — именно эти вопросы и не должны быть безразличны. Неуместны в этих случаях ни скороговорка, ни простая констатация факта, ни стыдливая полуправда. Говоря строгим языком закона, признаем, наконец: речь идет о десятках тысяч нераскрытых преступлений, совершавшихся на протяжении всех кровавых десятилетий сталинщины и, следовательно, о таком же количестве преступников, избежавших если не наказания, то по крайней мере разоблачения. Мыслимо ли подобное в обществе, где в чести закон и законность?

Нас должно тревожить не только то, что эти избежавшие кары преступники благополучно выбрали положенный трудовой стаж и получают пенсии в размере зарплаты кандидата наук: сделаем скидку на их сегодняшний возраст и окажем тем самым неведомое им милосердие. Страшнее то, что кто-то из них носит партийные билеты, кто-то слышит среди соседей участником войны и, горделиво звеня медалями за выслугу лет и прочие доблести своей былой службы, ходит на встречи со школьниками и заседает в президиумах собраний общественности. Вот это уже зло, это уже укор каждому из нас. Это еще одно оскорбление памяти тех, перед кем мы и так в неоплатном долгу!

Умолчание о палачах, доносчиках, провокаторах, стубивших миллионы людей, бесспорно, тормозит перестройку. Разве следователь с Петровки, 38, вершивший беззакония под сенью портрета генералиссимуса, не унаследовал метода тех же черных полковников Шварцмана или Хвата?

Умолчание и перестройка несовместимы. Поэтому чем последовательнее будет звучать голос общественного обличения губителей, чем конкретнее будет рассказано поименно о каждом из них, тем меньше мы будем терпеть урона от наскоков антиперестроечных сил. Вспомните, сколько уже окриков — злобных, грубых, невежественных — услышали мы со страниц газет и журналов по поводу гласности, демократизации, правды истории — все от них же, наследников Сталина и сталинщины. «Полку реаниматоров», — предостерегает нас Василь Быков, — как ни странно, все прибывает. Газета «Советская Белоруссия» ...выступила с глубокомысленным обоснованием того, что былых доносчиков и фальсификаторов нельзя привлекать к ответу на том основании, что они были преданы Сталину и заблуждались, уничтожая невиновных... Что это — политическое недомыслие или попытка запустить старую машину по второму кругу? Мне думается, за всем этим — наша неразумная терпимость... понятая некоторыми как слабость, которой грех не воспользоваться. Если мы не обезопасим от них общество, то и не будет гарантии от их вероломного удара».

Но общественное сознание формируют не только писатели, журналисты, историки. Говорим, пишем, требуем, даже подписи собираем,

чтобы, наконец, воздвигнуть если не монумент, то хотя бы скромные мемориалы — памятные плиты, закладные камни, обелиски жертвам сталинских репрессий, — открыт ли хоть один? Где? В 1987 году Магаданский обком КПСС принял решение увековечить память безвинно репрессированных и погибших на Колыме мучеников. Но вот ужас-то: на месте пересыльной тюрьмы, через которую прошли почти два миллиона жертв террора, предполагается установить скульптуру солдата, сжимающего в руках автомат. В Магадане, улицы которого протоптаны веренищами этапов? В Магадане, под вечной мерзлотой которого бог знает как утрамбованы тысячи мучеников? В Магадане, чье золото из колымских копеек возлагали на алтарь Победы узники лагерей под дулами конвойных автоматов? Так кому ж собираются ставить памятник: им или автоматчикам?

Поем «Бухенвальдский набат» — и ком застревает в горле. Но неужели композиторам не слышен набат Колымы, Печоры, Соловков, Курапат? И еще — нам, безусловно, нужен День Памяти не только жертв Великой Отечественной. Не забудем, что жертвы сталинского геноцида — никто! — не имеют даже братских могил. И мы не поминаем их всенародно даже минутой молчания. Какой день избрать для этого — давайте подумаем. Может быть, 11 июня — расстрелян маршал М. Н. Тухачевский. Или — 14 марта? Расстрелян Н. И. Бухарин. Или... Какой день ни назови — любой приемлем для скорби, кровавый конвейер не имел выходных.

Булат Окуджава писал:

Я счета не веду былым потерям,
Но пусть в своем возмездье и умерен,
Я не прощаю, помня о былом.

Непрощение народа — тоже мера и отмщения, и наказания.
Приведем ее в исполнение.

СОДЕРЖАНИЕ

Когда разомкнем круг?	3
Лицом к стене	15
Решетки про запас	23
Заложники	32
«Я не прощаю, помня о былом...»	42

РОЖНОВ Георгий Владимирович
«Я НЕ ПРОЩАЮ, ПОМНЯ О БЫЛОМ...»

Очерки

Редактор В. А. Аграновский
Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 26.07.89. Подписано к печати 20.09.89. А 10601.
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,22.

Тираж 150 000 экз. Зак. № 992. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ 1982 ГОДА — выпущен 1 января 1982 г. сроком на 20 лет в облигациях достоинством в 25, 50 и 100 рублей.

Облигация в 100 рублей состоит из двух пятидесятирублевых облигаций одной серии с двумя номерами, облигация в 25 рублей является половиной пятидесятирублевой.

Облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года являются удобной и выгодной формой хранения денежных сбережений населения. Облигации займа свободно продаются и покупаются учреждениями Сберегательного банка СССР и принимаются от их владельцев на хранение.

Ежегодно по займу проводятся 8 тиражей выигрышей: 15 февраля, 20 марта, 15 мая, 30 июня, 15 августа, 30 сентября, 15 ноября, 30 декабря.

По займу можно выиграть 10 000, 5 000, 2 500, 1 000, 500, 250 и 100 рублей на пятидесятирублевую облигацию, включая ее нарицательную стоимость.

Владелец выигрыша в 10 000 рублей имеет право на внеочередную покупку автомобилей «Волга», «Жигули» или «Москвич», а выигрыша в 5 000 рублей — автомобилей «Жигули» или «Москвич».

Разница между стоимостью автомобиля и суммой выигрыша вносится владельцем выигравшей облигации.

**СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК СССР
К ВАШИМ УСЛУГАМ!**